

МОСКОВСКОЕ наследие

май 2012

социальное пространство

18

ПРОШЛОЕ

ДОМ

32 **Б**
домашняя обстановка
УТОПИЯ В РАЗРЕЗЕ

40 **Б**
пустое место
МНОГОЭТАЖНЫЙ,
МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ
ДОМ-КУЗНИЦА

УЛИЦА

50 **Б**
общественное пространство
БОЛОТНАЯ ПЛОЩАДЬ –
61500 М²

ГОРОД

10 **Б**
городская среда
КОРОТКИЙ ПЕРИОД
АРХИТЕКТУРНОГО
ЛИДЕРСТВА

24 **Б**
экспозиция
КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ
ВЗГЛЯД НА МОСКВУ

38 **Б**
минувшее
ВОСПОМИНАНИЯ О ЕДЕ

МИР

60 **А**
архитектура и традиции
ПОДКРАШЕННАЯ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

НАСТОЯЩЕЕ

20 **Б**
опрос
РОССИЙСКИЕ ДЕВЕЛОПЕРЫ
ЛЮБЯТ КРУГЛОЕ

36 **Б**
культовые сооружения
МЕЖДУ РИЗНИЦЕЙ
И КРИПТОЙ

56 **Б**
ДЕТАЛЬ

48 **Б**
маршрут с историей
И ТАПКИ БОЛЬШОГО ПУТИ

18 **Б**
городской конкурс
РЕСТАВРАТОРЫ,
ДОСТОЙНЫЕ НАГРАДЫ

42 **Б**
вид на жительство
БАСЕЙН ВЕРТИКАЛЬНЫХ
СВЯЗЕЙ

44 **Б**
проект со стрелкой
СОВЕТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ
СОХРАНЕНИЯ НАСЛЕДИЯ –
КАК ОНА РАБОТАЕТ
СЕГОДНЯ

46 **Б**
крути педали
ДЕДУШКА, ДЕВУШКА, ЛЕВ

34 **Б**
ткань города
МОСКВА И РИМ
ПРЕКРАСНЫЕ

16 **Б**
приспособление
ЦЮРИХ. ЛЮДИ ВМЕСТО
ПИВА

БУДУЩЕЕ

6 **А**
мнение эксперта
ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ
ЦЕРКОВЬ: НОВЫЙ
ПОДХОД К ВОЗМЕЩЕНИЮ
УТРАЧЕННОГО

52 **Б**
жизнь в памятнике
МЕНЯЕМ БЕЛЫЕ И КРАСНЫЕ

2 **А**
дискуссия
ОСТРОВ КР...

57 **А**
официальный взгляд
ОБЪЕКТ ДОЛЖЕН
БЫТЬ ПОДЛИННЫМ
И УНИКАЛЬНЫМ

МОСКОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ

2

дискуссия

остров Кр...

текст Марии Трошиной

Иван Ерофеев

Первые здания фабрики «Товарищества Эйнем» на Острове стояли не на Берсеневке, а на Софийской набережной и были окончательно снесены в 2000–2001 годы

Дом №10 в Староконюшенном переулке построен по проекту Артура Федоровича Карста

У фабрики есть древние соседи — Палаты Аверкия Кириллова и церковь Св. Николая Чудотворца

По проекту застройки Центральная электрическая подстанция (1904–1906 годы, архитекторы Максим Карлович Гепнер, Александр Фелицианович Мейснер), питавшая трамваи Москвы в начале XX века, должна быть закрыта

Дух шоколада, многим памятный с детства, обещали сохранить на «Красном Октябре», но Музей шоколада пересел на Красносельскую

«Красный Октябрь» — теперь хорошо узнаваемый бренд не только шоколада, но и территории. И то и другое принадлежит компании ГУТА

3

дискуссия

«Красный Октябрь», шоколадная фабрика в прошлом и почти деловой центр сегодня, занимает пять гектаров на Берсеневке — в самой западной части Острова.

История фабрики, до революции называвшейся «Товарищество паровой фабрики шоколадных конфет и чайных печений «Эйнем»», началась в 1850 году, когда уроженец Берлина Фердинанд Теодор (Федор Карлович) фон Эйнем открыл первое кафе-кондитерскую в Москве на Арбате. Энергичный партнер фон Эйнема, также немец, Юлиус (Юлий Федорович) Гейс, создал на основе товарищества акционерное общество, а дети Гейса стали основными держателями капитала. Но имя Эйнема компания сохранила. Именно старший Гейс в 1889 году начал скупать земли на Берсеневской набережной — под новую фабрику.

К тому времени у Берсеневки было несколько хозяев, поэтому ансамбль фабрики складывался постепенно. Всего в нем 23 сооружения. Одним из первых появился производственный корпус архитектора Алексея Викторовича Флодина — он же автор известнейшего особняка Берга в Плотниковом переулке. Участвовал в проектировании новой фабрики и более известный архитектор Александр Михайлович Калмыков — один из авторов переделки дома Павла Михайловича Третьякова в художественную галерею. На другом берегу Отводного канала, на Якиманской набережной, можно видеть еще одну, более позднюю постройку архитектора Калмыкова — корпуса Голутвинской текстильной мануфактуры, также красного кирпича.

Корпуса «Красного Октября» авторства Александра Калмыкова — основа ансамбля фабрики. В него входили не только здания промышленного назначения, но и доходные дома с общежитиями. Всеми работами по строительству руководил немец Артур Карст — Гейс всегда привлекал соотечественников к строительству. Завершилось формирование ансамбля в 1914 году присоединением общежития Суконной фабрики, переоборудованного для конфетных нужд в гаражи.

Потомки Гейса, несмотря на немецкое происхождение, продолжали работать на фабрике и в Первую мировую войну, и даже после революции.

Первая масштабная реконструкция прошла в конце 1930-х годов, а нынешний облик фабрика приняла в 1960-е годы, когда были расширены производственные площади — в основном за счет надстройки. Облика фабрики это не поменяло, и сегодня краснокирпичные стены, декорированные фасады и свободная рациональная планировка характеризуют хорошо сохранившийся памятник ранней промышленной архитектуры эклектики.

В 1868 году на самой стрелке Острова появился императорский яхт-клуб: пристань, эллинг и служебные постройки. Основное здание клуба построили к его 25-летию (архитектор Карл Васильевич Трейман) в псевдогоthicеском стиле. В советское время эти сооружения использовались как гребная база.

Комплексное освоение территории инициировано властями Москвы еще в 2003 году. Началось оно с постройки Патриаршего моста (архитектор Михаил Посохин, инженеры Александр Колчин, Олег Чемеринский) — от храма Христа Спасителя прямо до Якиманской набережной, — со стилобатной частью, пересекающей Остров на высоте 10 метров. Градостроительную концепцию разработал архитектор Станислав Пашвыкин, на детальную разработку которой был проведен конкурс с привлечением иностранных архитекторов. Но проект приостановили.

Сокончанием первой очереди Патриаршего моста в 2004 году в бывших гаражах кондитерской фабрики разместился художественный кластер «Арт-стрелка» — с выставочными пространствами за небольшую арендную плату.

В 2007 году был завершен вывод промышленных мощностей «Красного Октября». В кризисный 2009 год владевшая фабрикой «Гута-Девелопмент» решила не спешить с реконструкцией и сдать освобожденные от кондитерского производства площади в аренду сроком на три года. Так здесь обособились институт «Стрелка», телеканал «Дождь» и множество других известных и не слишком известных арендаторов.

В конце 2011 года правительство Москвы утвердило градостроительные регламенты и приняло решение об оформлении градостроительного плана земельного участка, расположенного между Берсеневской и Болотной набережными и Берсеневским переулком.

Вопрос о судьбе «Красного Октября» остается открытым.

МОСКОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ

4

дискуссия

Елена Галанова, пиар-директор компании «Гута-Девелопмент»

Сегодняшний этап развития Острова является переходным. Поначалу, планируя развитие «Красного Октября», компания «Гута-Девелопмент» ставила задачу не просто застроить территорию, а интегрировать ее в городскую среду, создать особый дух. Поэтому была избрана стратегия строгого отбора арендаторов, каждый из которых рассматривался с точки зрения того, что он может предложить для формирования на «Красном Октябре» нового креативного сообщества. Что касается будущего, то в настоящее время проект реконструкции «Красного Октября» находится на согласовании.

Илья Осколков-Ценципер, президент Института медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», вице-президент компании Yota Group

Неужели жилье — это лучшее, что здесь может быть? Мне кажется, что момент обсуждения этого был упущен. Девелопер купил территорию — на то он и девелопер. Но город должен иметь свою позицию. Она не сводится к корректности регламентов. И история про то, что мало ли в Москве культуры, смешна. Здесь есть живое.

Я бы попробовал здесь сделать музей. Потому что если мы сделаем квартиры для московских миллионеров, музея здесь уже не будет никогда.

Александр Федяков, совладелец ресторана «Боевые слоны Блогистана»

Нам пришлось закрыться. Изначально речь шла о том, что большую часть площадей займут магазины, галереи, офисы креативных компаний. Галерей и магазинов почти не появилось, локальной публики мало, а извне непросто добраться — метро далеко, с парковками беда, пробки из-за «островного» расположения. Улучшить ситуацию может только формирование у владельцев единого осмысленного подхода к тому, как должен выглядеть «Красный Октябрь». Его отсутствие привело к тому, что в пяти шагах друг от друга могут находиться чеченская свадьба с пальбой в воздух; чиновники, приехавшие на «мигалках» совещаться в Digital Office; хипстеры, идущие в йога-клуб, и сантехник из советской эпохи, тоскливо прочищающий канализационные колодцы. Это плохо сочетающиеся категории граждан, стоит все-таки выбрать какую-то одну.

Мария Фадеева, архитектурный критик

По моему мнению, «Красный Октябрь» точно не может существовать так, как сейчас. Там элементарно не хватает фонарей, нормальных тротуаров и указателей. Если вдруг девелопер решит сохранить исторические постройки и оставить в них те функции, организации, которые сделаны для людей, типа «Чип-трипа», и при этом на месте неценных построек или внутри существующих стен сделать жилье или лофты из части цехов, хуже никому не станет. Хотелось бы увидеть там набережную, по которой можно гулять. Это было заложено даже в проекте, разработанном «Моспроектом-2», хотя в целом с транспортной точки зрения он абсолютно неадекватный. А что касается фантазий, то почему бы там не разместить фондохранилище Музея изобразительных искусств имени Пушкина — высококультурный склад, это ближе к музею, чем Сколково.

Зоя Харитоновна, советник РААСН, заслуженный архитектор России

В Эдинбурге в центре города сохранено ткацкое производство с ткацкими станками — все ходят туда, чтобы купить знаменитую «шотландку». Ведь самое драгоценное, что можно сохранить, — это сохранить функцию, а на «Красном Октябре» можно сделать и шоколадную фабрику, и производство духов, ну или пирожков, чтобы это стало национальным достоянием.

Кто там будет жить, если построят жилье? Это люди, которые не оставят ничего ценного для России, они будут жить на Рублевке, в Ницце, для них это будет только вложение денег. Да там и совершенно невозможно жить, потому что нет транспортной доступности. Был проект строительства метро, моста для транспорта, но построили пешеходный мост непонятно для кого, гигантский, бессмысленный. С какой стати мы продолжаем такой вандализм и разрушение всего того, что создали наши предки? Пример Остоженки — дорогой и пустой, должен предостеречь нас от роковой ошибки. Проблема в том, что заказчик не имеет нормальной программы, над которой архитекторы могли бы подумать. Конкурс, проводимый в Зарядье, — еще один такой случай.

5

дискуссия

Владимир Дубосарский, художник, сокуратор «Арт-стрелки»

По поводу будущего «Красного Октября» — там может быть какой угодно сценарий. Мы сюда пришли, когда ни один нормальный арендатор не пошел бы, а для нас это было прекрасное место в центре Москвы, где можно было создать некую среду, театральный, кино, акции, перформансы. Те же, кто сидит там сейчас, занимаются бизнесом. У нас все же был художественный проект. Это нормально, когда художники «показывают коридоры», а потом приходят серьезные люди и осуществляют эти проекты на материальном уровне. Для «Красного Октября» наш проект был благотворительным красивым жестом — он не был финансово интересен. Потом эстафета перешла к «Винзаводу», который, воспользовавшись нашим опытом, довел его до ума.

Нынешние обитатели «Красного Октября», видимо, слишком заняты бизнесом, ведь объединившись, они могли бы усилиться. Почему-то этого там не происходит.

Татьяна Тикова, директор департамента оценки и консалтинга Colliers International

«Красный Октябрь» — второе «золотое» место после гостиницы «Москва». Жилое направление здесь — оптимальное и для города, и для девелопера. Оно будет востребовано в формате жилья и апартаментов, потому что здесь потрясающие видовые характеристики, близость к центру. Скорее всего, девелопер будет там делать и офисную часть, а также торговлю в нестандартном варианте, привлекающую для туристов и горожан. Перспективным там будет и гостиничное строительство. Что касается исторического наследия, то, скорее всего, девелопер сохранит элементы фасадов, облик красного кирпича, возможно, сделает музей шоколада «Красный Октябрь». Создать статичный памятник старины, привлекающий туристов, в этом месте вряд ли удастся.

Симон Мраз, атташе по культуре при посольстве Австрии в России, житель «Дома на набережной»

Я человек культуры, поэтому мне очень нравится то, что сейчас происходит на «Красном Октябре». Мне неинтересны дорогие квартиры. Я живу в «Доме на набережной», хожу на стрелку пешком, а на машине туда и не подъедешь. К сожалению, у меня нет яхты, может быть, если бы здесь появились яхты, это было бы решением транспортной проблемы в этом районе. И красиво было бы.

Ксения Чудинова, директор по работе с ньюсмейкерами проекта «Сноб», ведущая программы «День в большом городе» на телеканале «Дождь»

Я бы хотела видеть здесь выставочный зал, музей, галереи, кафе и рестораны, концертные площадки, отели, редакции газет, журналов, телевидения, ночные клубы — все то, что есть сейчас. Но также я всегда выступала и продолжаю выступать за то, чтобы здесь было жилье. Сейчас совершенно очевидно, что территорию «Красного Октября» либо надо закрывать для автомобильного движения, либо придумывать что-то с парковками. Все, что касается коммунального хозяйства, на «Красном Октябре» довольно ужасающе: это касается текущих крыш, прорванных труб, сломанной канализации.

Что до внешнего вида пространства, то мне лично очень не хватает общего архитектурного взгляда. В этом смысле собственник должен проявить волю, найти хорошего архитектора и разработать это пространство так, чтобы не рушить, а обогащать. Думаю, что сегодня очередь выступать не творческим людям, не интеллигенции, а московскому правительству, которое должно «продать» собственника, мечтающего снести здание фабрики «Красный Октябрь», чтобы на его месте построить элитный жилой комплекс. Кто-то разумный и серьезный должен среди прочего объяснить «Гуте», что элитное жилье без сопутствующей начинки в виде общего творческого пространства, наполненного единым смыслом, будет стоить стократ дешевле, чем с оным. ☹

МОСКОВСКОЕ Наследие

6

мнение эксперта

A

Преображенская церковь: новый подход к возмещению утраченного

текст Анастасии Трубачевой
фотографии РБОО «Центр традиционной русской культуры „Преображенское“»

В начале 2012 года строители приступили к нулевому циклу работ по восстановлению храма Преображения Господня на Преображенской площади. Эта любимая прихожанами церковь устояла даже в сталинские времена, но была взорвана в 1964 году. По воспоминаниям очевидцев, она на мгновение приподнялась над землей и только потом распалась.

О восстановлении церкви на Преображенке заговорили в 1990-х, на подъеме инициатив «снизу». В 1996 году группа энтузиастов из центра традиционной русской культуры «Преображенское» поставила на месте разрушенного храма памятный крест.

Патриарх Алексий II благословил зарегистрировать православный приход храма Преображения Господня на Преображенской площади. Инициативную группу по восстановлению храма возглавил Игорь Русакомский, его же патриарх назначил и старостой прихода.

Местные власти несколько лет не позволяли начать строительство. Префект Восточного округа Москвы Николай Евтихий предлагал перенести стройку на километр от исторического места расположения храма. И все-таки 17 июля 2009 года правительство Москвы издало распоряжение о воссоздании взорванной в 1964 году церкви Преображения Господня с формулировкой «научное воссоздание утраченного памятника на историческом месте при полной идентификации и научной достоверности восстанавливаемых архитектурных форм».

Сейчас Игорь Русакомский — председатель совета центра традиционной русской культуры, научный сотрудник сектора свода памятников ВНИИ искусствознания и член президиума Экспертно-консультативного совета при главном архитекторе города Москвы. Защитником памятников культуры и архитектуры он стал еще в конце 1960-х, войдя в группу добровольцев, работавших под руководством знаменитого реставратора Петра Дмитриевича Барановского. Того самого Барановского, который попал в легенду о защите им перед Сталиным храма Василия Блаженного на Красной площади. В 1980-х годах Русакомский занялся церковными реликвиями, которые спас Барановский, будучи первым директором музея «Коломенское».

Проект восстановления Преображенского храма поддержал департамент культурного наследия города Москвы, он согласован и прошел Мосгорэкспертизу. На все работы отведен срок в три года, по их окончании храм сможет вместить 600 человек.

— Историческая территория Преображенки тоже требует защиты, ее восточную часть, где сейчас находится рынок, уже пытались вывести из-под охраны государства, говорит Игорь Русакомский. — Это противоречит решению о защите памятника. Оно было принято по результатам исследования территории Преображенского кладбища и на основании архивных документов, которые были изданы двумя альбомами — Мосгорнаследия и «Архнадзора» совместно.

Надгробный камень с захоронения солдата Преображенского полка в забутке фундамента восточной части алтаря храма (40-е годы XVIII в.)

Археологические раскопки Храма Преображения Господня на Преображенской площади, фундамент, 2011 год

Храм Преображения Господня на Преображенской площади, 1950-е годы

мнение эксперта

7

Значительное лицо из «Метростроя» преподнесло инициативной группе ключ от разрушенного храма, который был сохранен в качестве сувенира в 1964 году. Язык колокола, напрестольный крест, церковная утварь и амуниция солдат-преображенцев были найдены во время археологических работ.

Мало кто ожидал, что от стен осталось что-то, кроме отдельных кирпичей, но чудо произошло, — рассказывает Игорь Русакомский. — Лазерное сканирование показало сохранность старого фундамента — белокаменного в центре и бутового по периферии. За основу проекта восстановления были взяты чертежи 1883 года, обнаруженные в архиве Санкт-Петербурга, и фотографии. Храм будет воссоздан в том виде, который получил при Александре III, когда был дополнен приделом Александра Невского.

Но перед архитекторами встала еще одна задача — вписать восстановленную церковь в новое городское пространство. Отсутствие новых зданий непосредственно на месте предстоящего строительства облегчало задачу, но сам район потерял старинный облик. Ушел, как говорит Игорь Русакомский, «гений места», и чтобы его вернуть, храм должен стать архитектурной доминантой района.

— Застройка Преображенки изменилась, — говорит он. — Если поставить храм на землю, он утонет. Поэтому мы решили его приподнять.

На небольшом расстоянии от храма проходит ветка метро и оживленный проспект с трамвайными путями. Поэтому фундамент накроют монолитной плитой и тем самым создадут стилобат, который будет гасить вибрации, исходящие от транспорта. Исторический же фундамент будет заключен в саркофаг, музеефицирован. Храм окажется дополнительно приподнятым над землей за счет нижнего яруса с заключенной в нем археологической находкой.

— В чем особая интрига, — радуется Игорь Русакомский, — для того чтобы показать сохранившийся фундамент в будущем, Андрей Оболенский из мастерской «Моспроект-2» предложил создать саркофаг вокруг старого фундамента и опоры на него не делать. Это будет консервационный павильон внутри храма. Как бы поднимая его на пьедестал, в нижней его части мы сохраняем археологические останки старого фундамента.

Возвышение стен церкви нужно не только для того, чтобы церковь была видна посреди приросшего этажами района. Русакомский объясняет: «Храм это еще и памятник для увековечения памяти владыки Николая, который пал жертвой в борьбе за православие».

Последний настоятель храма Николай Ярушевич, митрополит Крутицкий и Коломенский, пугал советскую власть своим бескомпромиссным проповедничеством, бесстрашием и авторитетом среди верующих.

— Ярушевич в хрущевские времена открыто выступил в защиту православия, — вспоминает Русакомский. — Его знали за рубежом, он был членом множества богословских академий и проводником миротворческой политики России после войны для тех, кто желал слышать не только официальную власть. Он был за мир между конфессиями и государствами.

В пространстве фундамента, в алтаре, в честь Николая Ярушевича будет устроен престол Николая Чудотворца. Также в соборе появится еще один придел, крестильный — во имя апостола Андрея Первозванного. Крест этого святителя служит знаком Преображенского полка, к тому же в его день скончался отец Николай.

Согласно смете, работы требуют 600 млн рублей, пока из них найдено только 24 млн и значительная часть уже потрачена на то, чтобы закупить кабель и проложить заново коммуникации. Русакомский рассказывает:

— Кибовский из Мосгорнаследия сказал: «Нельзя выделить сумму из наших средств, потому что это новодел». Конечно, даже методологическое воссоздание — это всегда модель. Мы и подчеркиваем ее модельную суть, ставим на постамент. Но на средства бабушек храм построить просто невозможно. Спасибо Ресину — еще на посту заместителя мэра он дал слово нам помочь и держит его по сей день. Он обязал несколько компаний принять участие в наших работах безвозмездно.

Основные исполнители работ — проектировщик ГУП «Моспроект-2» и подрядчик НПО «Космос». Для контроля над техническим процессом восстановления храма Владимир Ресин сформировал и оперативную группу, которая взяла на себя серьезную часть организационных проблем.

МОСКОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ

8

мнение эксперта

— Все денежные средства мы получаем от жертвователей, — говорит Русакомский. — В самом начале объявили сбор «на кирпичики». Но оказалось, далеко не все общество понимает, что строительство — это не только стены. Одна из бывших прихожанок пожертвовала три тысячи евро, через два года пришла и спросила: «Где мои кирпичики?» Я ответил: «Нонна, мы оплатили археологический проект — разработку и согласование, это стоило три тысячи». — «А я не на это деньги давала». Пришлось все ей вернуть и быть осторожнее впредь.

Община Преображенского кладбища была одной из самых богатых и влиятельных старообрядческих общин в России. Когда гонения на раскольников начались с новой силой, часть Богаделенного дома была отдана единоверческой церкви. Имущественные споры между общинами продолжают по сей день.

«Особое место скандалов» — говорит Игорь Русакомский о спорной территории. Он много думал, как обратить разногласия общин к примирению и, более того, к сохранению традиции — и выдвинул идею о создании образовательного пространства новой формации.

— Во второй половине XIX века мужской двор монастыря раскольников-федосеевцев был передан единоверческому монастырю, а после революции и ему осталась только часть, — рассказывает Русакомский. — Территорию разделили пополам. Во время Второй мировой войны туда переселили беспоповцев поморского согласия. Сам монастырь упразднили, четверик отошел поморским беспоповцам, трапезная — обычной церкви, а центр — федосеевцам. Сейчас есть еще ряд общин, которые претендуют на территорию. В 1992 году я предложил: «Давайте сделаем совместно с общинами уникальный комплекс — центр национальной культуры». Вспомните, европейские университеты часто вырастали на местах монастырских комплексов и в этом смысле Преображенка — как раз подходящее место. У нас нет национальной идеи, и сформулировать ее можно только тогда, когда знаком с разными проявлениями национальной культуры — литературы, архитектуры, изобразительного искусства, музыки. Она и поможет понять нашу национальную психологию. Без этого человек не должен становиться во главе государства, занимать руководящий пост, вообще близко подходить к национальной политике.

Размещать будущих чиновников на время семинаров Игорь Русакомский предложил на месте рынка, где, по его замыслу, должны быть воссозданы кельи монастыря:

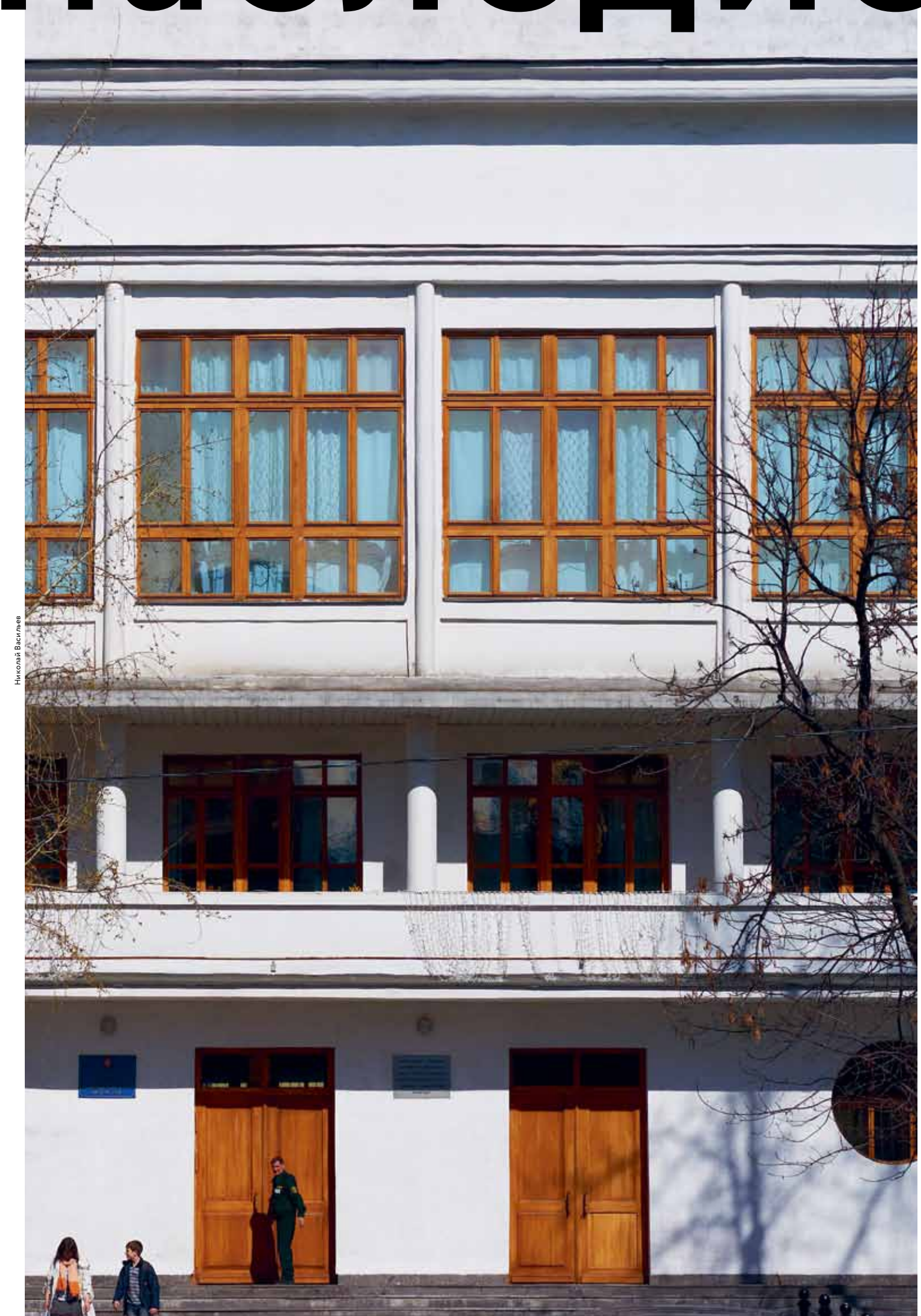
— Это должно быть погружение в национальную историю — на пару недель. Вроде бы вокруг по-прежнему современная Москва, но обстановка совсем другая. 🚫

Макет Храма Преображения Господня на Преображенской площади

Раскопки на Преображенской площади, фрагмент фундамента церкви, 2010 год

Николай Васильев

Школа, архитектор И. Звездин, 1933 год
Садовническая наб., д.37, стр. 1

короткий период архитектурного лидерства

текст и фотографии **Николая Васильева, DOCOMOMO Россия**
архивные фотографии предоставлены **Музеем архитектуры им. А. В. Шусева**

М. Гинзбург, И. Милинис, инженер С. Прохоров. Жилой дом Наркомата финансов РСФСР. 1929–1932 годы

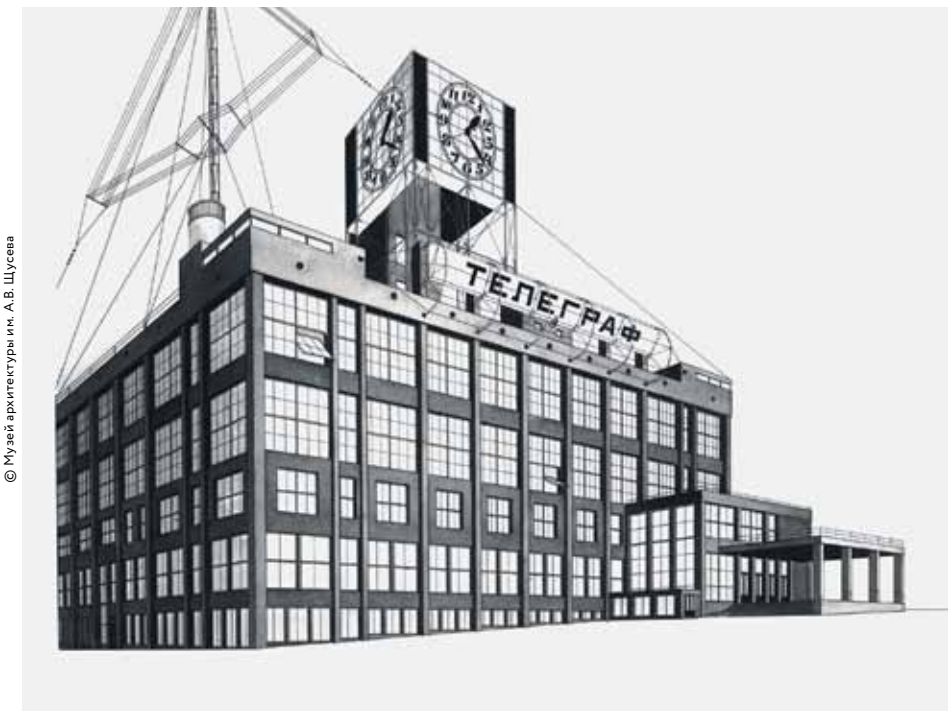
< >

Николай Васильев

Конструктивизм как самое заметное явление русского авангарда привлекает множество людей, в основном иностранцев. Приезжая со всего света, они ожидают увидеть и посетить музеи Малевича, Лисицкого, Родченко, Татлина, но встречает их только архитектура, ставшая самым наглядным и самым материальным воплощением идей нового общества и искусства.

Моисей Гинзбург «Стиль и эпоха. Проблемы современной архитектуры». Конструктивная схема становится для нас подлинным зрелищем, где глаз не перестает следить за исходом борьбы вертикали с горизонталью, конструкция как таковая перерастает самое себя, силы конструктивные, ассоциируемые с переживаниями внутреннего мира человека, создают органический мир форм, делающий ее близким и родственно понятным существом; аналогия со статическими и динамическими законами вселенной превращает этот органический мир в мир внешних сил, равный нередко по энергии своего воздействия могущественным силам природы. Таким образом, конструктивная система, благодаря нашему восприимчивому опыту и психологическим особенностям человека, порождает и другую систему, самодовлеющий и в то же время вытекающий и зависимый от конструкции мир формы или, правильнее, — систему эстетическую.

© Музей архитектуры им. А.В. Шусева

торы, учившиеся и начавшие профессиональную практику до революции. Это упоминавшиеся выше братья Веснины и Гинзбург, а также Илья Голосов, Константин Мельников, Владимир Кринский и др., которые тогда еще не успели разбежаться по творческим группам и объединениям. Это были конкурсы на образцовый рабочий поселок, на Дворец труда, на здание «Ленинградской правды», акционерного общества «Аркас» и др.

Успех новых архитектурных идей подвигнул Александра Веснина и Гинзбурга основать в 1925 году Объединение современных архитекторов (ОСА) и начать выпускать журнал «Современная архитектура». ОСА было, конечно, не единственным творческим объединением, его основными оппонентами была созданная раньше «Аснова» (Ассоциация новых архитекторов во главе с Николаем Ладовским и Кринским, называвшими себя рационалистами) и «Вопра» (Всесоюзное общество пролетарских архитекторов, заявившее о себе позднее).

Творческие концепции конструктивистов и рационалистов были различными: конструктивисты считали необходимым выделение конструкции здания и выявление его функционального аспекта (в чем были близки европейским функционалистам), рационалисты считали главным развитие сложной рационально воспринимаемой архитектурной формы, считая функцию важной, но далеко не исчерпывающей причиной конкретной формы здания. Свои воззрения конструктивисты излагали в журнале «Современная архитектура», многочисленных статьях, на проводимых ими конкурсах в написанных Гинзбургом книгах.

Функциональная схема как основа пространственной композиции и свободного плана здания стала основным принципом — и была дополнена поиском выразительности

¹ Реальное строительство конструктивистской Москвы попадает на первую пятилетку

Братья Веснины. Конкурсный проект на здание «Ленинградской правды» в Москве. 1923 год

>

Братья Веснины. Конкурсный проект на здание акционерного общества «Аркас» в Москве. 1923 год

>

© Музей архитектуры им. А.В. Шусева

Братья Веснины. Конкурсный проект на здание Центрального телеграфа в Москве. 1925 год

<

Владимир Татлин. Башня III Интернационала. 1919 год (реконструкция фасада)

>

© Музей архитектуры им. А.В. Шусева

© Музей архитектуры им. А.В. Шусева

среди самих конструкций каркаса, динамики вертикалей стоек и горизонталей балок. Отрицание исторической преемственности (как мы понимаем сейчас, немного наигранное) и декоративных элементов классических стилей привело, по мысли самих конструктивистов, к увеличению роли архитектуры в построении новой жизни. Революция дала не только стимул новым творческим поискам, но и новое пространство деятельности, новые задачи для решения, новые типы зданий. Но даже в Москве, вновь принявшей столичные функции, не все удалось реализовать, политические решения принимались быстрее, чем возводились здания, а дорогостоящие материалы выделялись только на передовые экспериментальные здания. Такое было тогда и во Франции, и в Германии — кирпич маскировался штукатуркой под бетон, за аттиками прятали немодную скатную кровлю. Тем не менее за эти **несколько лет¹** в городе возникли сотни зданий. Не все они делались членами ОСА или архитекторами, разделявшими их взгляды, но это были крупнейшие проекты эпохи.

Крупные архитекторы старшего поколения, профессионально сформировавшиеся до революции, тоже были увлечены языком новой архитектуры. Проследить прямые заимствования дело благодарное, да и очевидно, что такие профессионалы, как братья Голосовы, Иван Фомин, Борис Великовский или Алексей Шусев были прекрасно осведомлены о новейших достижениях архитектуры за рубежом, но то было удивительное время, когда русские журналы целиком переводились и издавались на Западе. Приоритет открытия современной архитектуры закреплен и за советскими архитекторами не в меньшей степени, чем за Ле Корбюзье, Гропиусом, Мисом ван дер Роз, Герритом Ритфелдтом и др.

И. Голосов. Клуб союза коммуналь-ков имени С. М. Зуева. 1927–1929 годы. Общий вид

Братья Веснины. Дворец культуры Пролетарского района. 1931–1937 годы. Общий вид

Братья Веснины. Дворец культуры Пролетарского района. 1931–1937 годы. Фойе третьего этажа и лестница в обсерваторию

Вид со стороны артистического входа

Вход в зрительный зал

© Музей архитектуры им. А.В. Щусева

Николай Васильев

Николай Васильев

И. Николаев. Общежитие-коммуна для студентов Текстильного института. 1929–1931 годы. Общий вид с юга

Пандус санитарного корпуса

Интерьер фойе общественного корпуса

Моисей Гинзбург «Жилище»
«В связи с этими новыми раскрытыми техни- кой возможностями в новом западном жи- лье протекает процесс пересмотра гигиени- ческих норм жилья. Вместо маленьких окон кирпичной стены с неизбежно затененными углами комнаты появляется и удовлетво- ряется потребность в большом количестве света. Отныне все жилое пространство наполняется светом, исчезают полутемные углы, исчезает загромождающая простран- ство неуклюжая мебель, бесконечное коли- чество ненужных вещей, мягкие предметы — собиратели пыли. Светлая, залитая солнцем комната не мирится с этим. Она требует и соответствующей мебели, минимальной по количеству, максимально легкой и подвиж- ной, из материалов, не допускающих кон- денсации пыли и грязи. Появляется стальная мебель, мебель из никелированных труб, так что современный интерьер европей- ского жилья нередко напоминает по своей подчеркнутой гигиеничности и лаконичной простоте операционную комнату или боль- ничную палату».

Рабочие клубы
Клуб стал новым типом общественного здания, наиболее полно выразившим новые архитектурные формы и принци- пы. За эти здания брались крупнейшие архитекторы, а заказ- чики, заводы и профсоюзы часто устраивали конкурсы. По своему назначению клуб был и культурным центром, и уч- реждением дополнительного образования, где весь день должны были протекать различные культурные, образова- тельные, политические процессы, отнюдь не ограничиваю- щиеся кружками, театром и кино.
Игнатий Милинин, молодой архитектор, приехавший из Киева, стал известен не только как соавтор Моисея Гинзбурга в знаменитом доме Наркомфина, но и как автор одного из интереснейших клубов — завода «Серп и молот» на Волочаевской улице. Клуб был построен в 1929–1933 годах, но, к сожалению, был сильно перестроен в 1940-е годы (утрачены интерьеры и часть фасадов). В 2000-е годы клуб стоит закрытым, большая часть внутреннего убран- ства утрачена. Сам архитектор хотел при разработке этого здания найти новое определение клуба как социального типа. В начале лета 1929 года он пишет: «Клуб готовит и вос- питывает активных пролетариев — участников социалисти- ческого строительства, самодеятельность которых долж- на широко разворачиваться в ряде организаций рабочего класса. В условиях нэпа клуб фактом своего существования и всеми своими качествами должен стимулировать переход к социалистическому обществу. Включая в себя максимум элементов наиболее прогрессивных форм быта, являясь действительно, пропагандирующей социализм, он тем самым становится мощным рычагом в деле формации нового человека.
Занятия клуба организуются так, чтобы член данного коллектива, посещая клуб ежедневно в продолжение всего времени, свободного от работы и сна, мог найти для себя организованное занятие».

Дворец культуры Пролетарского района
Завершает эпоху строительства рабочих клубов (их было построено несколько десятков только в Москве и об- ласти) комплекс Дворца культуры Пролетарского района (более известный как ДК автозавода ЗИЛ, сейчас КЦ «Юж- ный») на Восточной улице, построенный по проекту братьев Весниных в 1931–1937 годах. Комплекс возник на месте взорванного в 1930 году Симонова монастыря. По проекту клуб должен был стать самой большой из построек этого типа, хотя отдельно стоящее здание большого зрительного зала так и не было построено. Существующая часть ком- плекса представляет собой большое Т-образное в плане здание, построенное под влиянием передовых архитектур- ных принципов, в том числе знаменитых Пяти принципов Ле Корбюзье². Ближе всего к улице, боковой стороной к ней находится зрительный зал, от него идет длинная анфи- лада помещений для кружковой работы, которая проре- зана проездной аркой и упирается в зимний сад. По обе- им сторонам зимнего сада начинаются еще две анфилады, левая заканчивается репетиционным залом, небольшим, но полностью оборудованным для театральных представ- лений, правая — буфетом (сейчас здесь библиотека). Прямо над зимним садом расположен амфитеатр конференц-зала, а над ним, возвышаясь над плоской кровлей, — купол обсерватории.
Все формы здания — простые геометрические тела, вы- тянутые параллелепипеды с врезанными в них цилиндрами балконов, остекленных эркеров, ризалитов лестничных клеток. Несмотря на такой геометризм здание не утратило своей функциональности. Неудачным можно признать разве плоские кровли — качества строительства и материалов тех лет оказалось недостаточно, чтоб уберечь здание от про- течек (но такие проблемы существуют во множестве других построек).
Здание было сильно перестроено в конце 1970-х годов: интерьеры были отделаны мрамором по моде тех лет, стены залов обшиты панелями, было заменено все светотехниче- ское оборудование и фонтаны зимнего сада, а проездная арка была заложена и превращена в буфет. В конце 2000-х годов еще одна реконструкция прошла в фойе главного зала и буфете. Тем не менее комплекс дома культуры сохраняет первоначальную функцию до сих пор.

Дома-коммуны
Помимо новых общественных зданий конструктивисты проектировали и жилье, в отличие от других группировок, это стало вотчиной их передовых разработок, как архи- тектурных, так и социальных. Самый шумевший в 1920-е годы тип — это дома-коммуны. Первые коммуны появились в 1918 году и были устроены революционными рабочими в

домах выселенной буржуазии и господствующим классов, как тогда выражались. Явление было массовым, но продер- жалось недолго, к 1922–1924 годам почти все из них рас- пались³. К концу 1920-х выросло и новое поколение моло- дежи, мечтающей о переустройстве собственного быта, выросли и новые архитекторы, те, кто учился уже после революции. Таким был, к примеру, Иван Николаев, мастер промышленной архитектуры, построивший знаменитое общежитие-коммуну для Текстильного института на улице Орджоникидзе в 1930–1931 годах. Наверное, именно к этому зданию больше всего применимо выражение Ле Корбюзье, что «дом — это машина для жилья».
Идеи дома-коммуны с полным обобществлением быта закономерно оказываются лучше применимыми не для ра- бочих, но как раз для студентов — людей, не обремененных домашним скарбом, большими семьями и детьми. Проект- ное задание было сформулировано зимой 1928–1929 года самими студентами Москвы и Подмосковья, в соответствии с ним Николаев разрабатывает невиданную прежде функ- циональную схему здания, основанную на строгом, но про- думанном распорядке дня студента. Здание состоит из трех больших корпусов, в плане напоминая летящий самолет.
В длинном спальном корпусе расположены двухмест- ные спальные кабины (всего их 1008, размером 2,3 на 2,7 м), в каждой только кровати и табуретки. По замыслу, про- снувшийся студент в халате или пижаме шел в соседний санитарный корпус, где он принимал душ, делал зарядку, переодевался около шкафчиков с личными вещами и шел в следующий, низкий общественный корпус, спускаясь по лестнице или треугольному пандусу. В общественном корпусе находились ясли для детей до трех лет, кухня, сто- ловая, актовый зал, библиотека, комнаты для групповой, бригадной, как тогда говорили, работы, кабинки для инди- видуальных занятий и открытая терраса на крыше.
Общественный корпус перекрыт характерными для про- мышленной архитектуры шедовыми фонарями, выходящи- ми на север и дающими мягкое и равномерное освещение, а спальный был построен на стальном каркасе⁴.
В 1930-е годы общежитие функционировало и стало самым полным в своем воплощении примером архитектуры социального эксперимента. В 1960-е оно подвергается пер- вой перестройке, спальные кабины были увеличены и пер- воначальный замысел строгого распорядка нарушен. Сейчас в спальном корпусе заканчивается реконструкция (здесь по- селятся студенты МИСИСа). Вторая очередь реконструкции должна и эти части комплекса привести в порядок, но это касается лишь внешнего облика, но не точного соответствия утопической идее.
Дом Наркомфина
Другим не менее важным и самым знаменитым экспери- ментом в области конструктивистского жилья стал жилой дом Наркомата финансов на Новинском бульваре. Этот дом был экспериментальным домом так называемого переход- ного типа (от традиционного квартирного жилья к дому- коммуне). Подобных домов было выстроено всего шесть (по одному в Екатеринбург и Саратове и четыре в Москве — на Новинском и Гоголевском бульварах, в Ростокино и Петро- вском парке). До нашего времени дошли не все, наиболее интересен, конечно, сам дом Наркомфина.
Итак, в 1928 году Моисей Гинзбург руководит сектором типизации Стройкома, командой, состоящей из архитекто- ров и инженеров, которая берется за разработку типовой экономичной и, как сейчас говорят, инновационной жилой ячейки⁵. Ячеек на самом деле придумано было несколько, но самой известной из них стала ячейка типа F. Это была небольшая квартира на одного или двух человек, устроен- ная в нескольких уровнях. В этих и других ячейках (в доме Наркомфина это еще и 2F и K и несколько нестандартных квартир) помещения были разделены на две части, с низким и высоким потолками (в ячейках F — 2,25 м и 3,5 м соответ- ственно, а типа K — 2,5 м и 4,8 м). С высоким делались общие комнаты-гостиные, а с низким — санузлы, кухни и спальни, причем последние располагались как раз над и под коридо- ром, соответственно один коридор должен был обслужи- вать три этажа (для экономии площадей в доме).
Двери из коридоров в квартиры расположены попарно, одна ведет вниз — другая вверх, прихожие у них на одном уровне, гостиные и лестницы друг над другом, а спальни одна под коридором, другая — над ним.
Площадь ячейки F невелика (33–34 кв. м), но за счет многоярусной компоновки кубатура соответствует кварти- ре в полтора раза больше. Квартиры выходят на обе сторо- ны здания, что обеспечивает им сквозное проветривание, а благодаря горизонтальным ленточным окнам они отлично освещены.

² Опоры-столбы, крыши-сады, свободная планировка, свободный фасад, расположение окон вдоль по фасаду

³ Причинами этого были как социальные, так и архитектурные проблемы (точнее, полное отсутствие специальных построек)

⁴ В начале 1930 года какой-то начальник приехал inspectировать экспериментальную стройку, увидел большие штабелы готовых к монтажу стальных балок и, возмущившись такой трате «стратегических материалов», заказал Михаилу Кольцову фельетон, вышедший в «Правде». Архитектор и начальник строительства были жестоко высмеяны (фамилии были изменены, но всем было ясно, о ком речь). Николаев несколько месяцев ожидал ареста, но за него вступилось руководство его строительного бюро и все отделались только испугом

Моисей Гинзбург «Жилище»
«Вопрос этот чрезвычайно важен, так как основная масса рабочего населения занимает только одну-две комнаты, и поэтому квартира в три комнаты, заселенная двумя-тремя семьями, превращается в общежитие весьма сомнительного качества. Вопрос о небольшой квартире, которая явилась бы экономически более выгодной, выдвигается нашими социально-бытовыми условиями на первый план. Работа убедила нас в том, что мы можем получить такой тип однокомнатной квартиры, которая имела бы такой же низкий коэффициент, как и трехкомнатная.

Мы и теоретически и практически убедились в том, что имеются пределы, в которых каждый из изученных нами типов (А, В, С, D и F) является наиболее эффективным. Кривые диаграммы (рис. 100) указывают эти пределы в зависимости от размеров квартиры. Мы попытались проделать тот же анализ практически и пришли к типу F как наиболее подходящему для отдельных однокомнатных квартир с жилой площадью от 25 до 30 м. Если по одну сторону дома устроить спальную нишу и вспомогательные помещения (душ, уборная, умывальная) меньшей высоты, а по другую расположить жилую часть комнаты, то за счет разницы в высотах можно получить светлый коридор. Это дает квартире сквозное проветривание, двухстороннюю освещаемость и сохраняя полную изолированность. Отношение кубатуры к жилой площади и здесь будет таким же, как и в трехкомнатной квартире, причем средняя высота жилых помещений не только не будет снижена, но даже окажется выше, чем высота этажа ныне воздвигаемых домов.

Квартира типа F открывает перед жильцами новые бытовые возможности.

Наличие горизонтальной артерии — светлого коридора — позволило органически включить в этот тип общественную столовую, кухню, комнаты отдыха, ваннные помещения и т. д., все те коммунальные помещения, которые должны стать неотъемлемой частью нового жилища.

Вместе с тем мы считали важным дать каждому возможность постепенного перехода на коммунальное обслуживание в целом ряде функций.

Мы сочли совершенно необходимым создание ряда моментов, стимулирующих переход на более высокую форму социально-бытового уклада, но не декретирующих этот переход».

Николай Васильев

Жилая ячейка типа К

Николай Васильев

М. Гинзбург, И. Милинис, инженер С. Прохоров. Жилой дом Наркомата финансов РСФСР. 1929–1932 годы. Жилая ячейка типа F

Жилая ячейка типа К

Николай Васильев

Николай Васильев

Николай Васильев

⁵ Подобный принцип практиковался и на Западе: в 1929 году в Бреслау (Вроцлав) Ганс Шарун построил общежитие для холостых с подобным образом скомпонованными ячейками. В жилых единицах Ле Корбюзье (бывавшего на стройке дома НКФ), сделанных в послевоенные годы, также один коридор обслуживает три уровня

⁶ Он имел не завершённое до революции архитектурное образование, а в начале 1930-х написал одну из важнейших книг советского градостроительства «Соцгород»

⁷ Компактное кухонное оборудование, туалеты, души или ванне

Знаменитый исследователь советской архитектуры С. О. Хан-Магомедов включил ячейку типа F в свой список «ста шедевров советского архитектурного авангарда» (в одноименной книге), единственный интерьерный проект в этом списке⁵.

К концу 1928 года, когда ячейки были разработаны и рекомендованы к внедрению в массовое строительство, Гинзбург сдружился с Николаем Милиутиным, влиятельным тогда наркомом финансов, увлеченным архитектурой⁶. В результате к 1932 году на Новинском бульваре, в парке, спускавшемся к реке Пресне, прямо за домом Шалапина вырастает один из четырех запланированных Моисеем Гинзбургом, Игнатием Милинисом и инженером Сергеем Прохоровым жилых корпусов, совмещенный крытым мостиком-переходом с корпусом коммунальным, где были запроектированы общая кухня-столовая, библиотека и прочие бытовые и общественные помещения. Большая часть крыши дома была общественной террасой, а меньшую занимал двухэтажный пентхаус самого Милютина. Жителей 40 квартир никто не заставлял сразу переходить к обобществлению быта, как в домах коммун — в квартирах-ячейках было все необходимое⁷, но предполагалось, что общественные пространства помогут им перейти к новому образу жизни. Один из пионеров железобетона, инженер Прохоров разработал уникальную конструкцию здания с применением множества экспериментальных материа-

лов. Железобетонный каркас и несущие стены из блоков находятся внутри здания, там же размещены водостоки и вентиляционные вытяжки. Снаружи мы видим только легкие ненесущие стены (именно их техническое состояние так ужасает, но, к счастью, устойчивости дома оно ничем не грозит) и ленточные окна со сдвижным рамами.

Часть квартир была заселена служащими наркомата, часть использовалась как общежитие для иногородних сотрудников, в одной из квартир (в торце с круглыми балконами) жил сам Гинзбург, а еще в одной — знаменитый художник Александр Дейнека.

После войны первый этаж дома, стоявшего на столбах, застроили, а в 1978 году дом должен был быть расселен, однако до сих пор в нем прописаны жильцы порядка десяти квартир, часть других сдается в аренду, в основном студентам, молодым художникам и архитекторам, которым такое жилье подходит как нельзя лучше. Между тем техническое состояние дома многие годы вызывает опасения, хотя это самый известный (больше за границей) жилой дом раннего модернизма, не только среди архитектуры Москвы, но и всего мира. 🏠

Хранители: будущее исторического наследия

Общественные дискуссии института «Стрелка» и Мосгорнаследия

Дом культуры «Белые палаты» · Пречистенка, 1

Будущее архитектуры авангарда

4 мая, 19:00

Архитектура и культурная идентичность

24 мая, 19:00

Культурный ландшафт

15 июня, 19:00

Новое прошлое

18 мая, 19:00

Оригинал или копия?

1 июня, 19:00

ДЕПАРТАМЕНТ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ГОРОДА МОСКВЫ

>
strelka

Цюрих: люди вместо пива

текст Ренаты Серебряковой

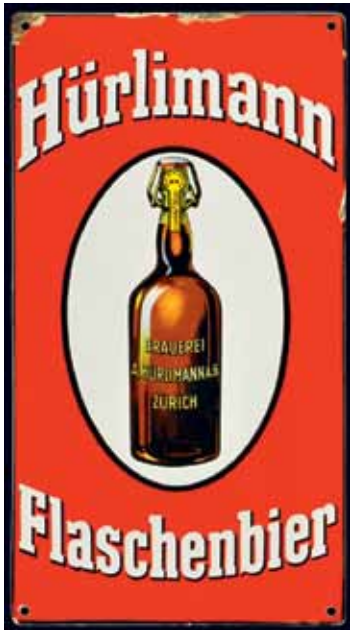
В цюрихском районе Энге со второй половины XIX века стали располагать свои производства богатые промышленники. Там же они строили себе особняки с парками. В их числе была и семья Хюрлиманн

В марте нынешнего года на территории бывшего пивзавода Hurlimann начал работать отель под названием B2 Boutique — логическое дополнение открывшегося ровно год назад там же спа-центра, первого в Цюрихе. Пивзавод занимал 6 га в центре Цюриха, в районе Энге. В 1996 году производство закрылось, но здания завода были признаны памятником промышленной архитектуры. Развивать территорию взялся крупный швейцарский девелопер PSP Swiss Property, получивший от городских властей разрешение создать на ней бизнес-квартал. Инвестиции девелопера уже достигли 370 млн евро, из них 50 млн евро пошли на отель и спа. Исторические здания приспособили по-разному. Цех глубокой заморозки переделан в жилье — лофты; в конюшнях (то есть транспортном цехе) и разливочном цехе организованы магазины, рестораны, склады и конторы. Все реконструктивные работы контролировала городская служба охраны и реставрации памятников. Девелопер получил также позволение построить территорию вокруг памятников — так появились современные офисы, в числе которых знаменитая своей дружелюбной об-

В 1970-е на заводе Хюрлиманн стали производить крепкое рождественское пиво Samichlaus (в переводе с швейцарско-немецкого диалекта — Санта-Клаус). Пиво занесено в Книгу рекордов Гиннеса как самое крепкое в мире — 14°

становкой и дизайном европейская штаб-квартира Google. Спа-центр — не изобретение девелопера, а естественное продолжение пивного дела. В 1970-х годах пивовары случайно открыли прямо под варочным цехом, на глубине 500 м, источник минеральной воды. Ее и просто продавали под торговой маркой Aqvi, и варили на ней пиво. Сегодня она используется в лечебно-косметических целях. Термальные ванны расположили в солодовне, в подвале варочного цеха, под редкостными по красоте сводами из бутового камня — они открылись, когда была сбита штукатурка, и их решено было оставить как есть. Сделаны ванны изolistvenницы — чтобы создавалось ощущение преемственности с пивоваренным прошлым. А открытый бассейн подняли на крышу — к нему от ванн ведет скоростной лифт. Эта идея считалась самой спорной задумкой авторов проекта — архитекторов Маргрит Альтхаммер и Рене Хохули, но именно бассейн на крыше стал самым удачным и запоминающимся элементом всего комплекса. В первую же неделю работы спа-центр посетили 5 тыс. человек.

Пивоваренное дело начал в 1836 году в Фельдбахе, кантон Цюрих, сын мельника Ганс Генрих Хюрлиманн. Сам он специальных знаний не имел, а вот сына, Альберта, отправил учиться пивоварению в Баварию. Тот в 1866 году перенес производство в Энге — район Цюриха. Семья Хюрлиманн прославилась не только пивоварением, но и научными исследованиями в области биологии дрожжей

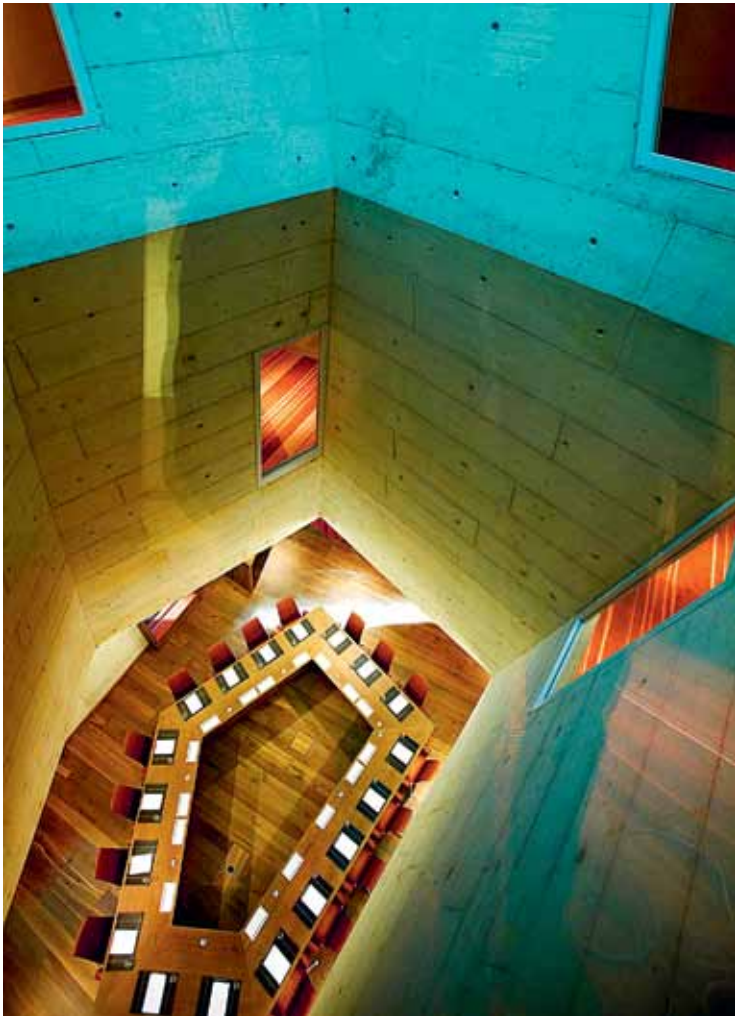
В конце XIX века пивоварня Hurlimann была крупнейшей в Швейцарии

Холл гостиницы украшает старинная библиотека

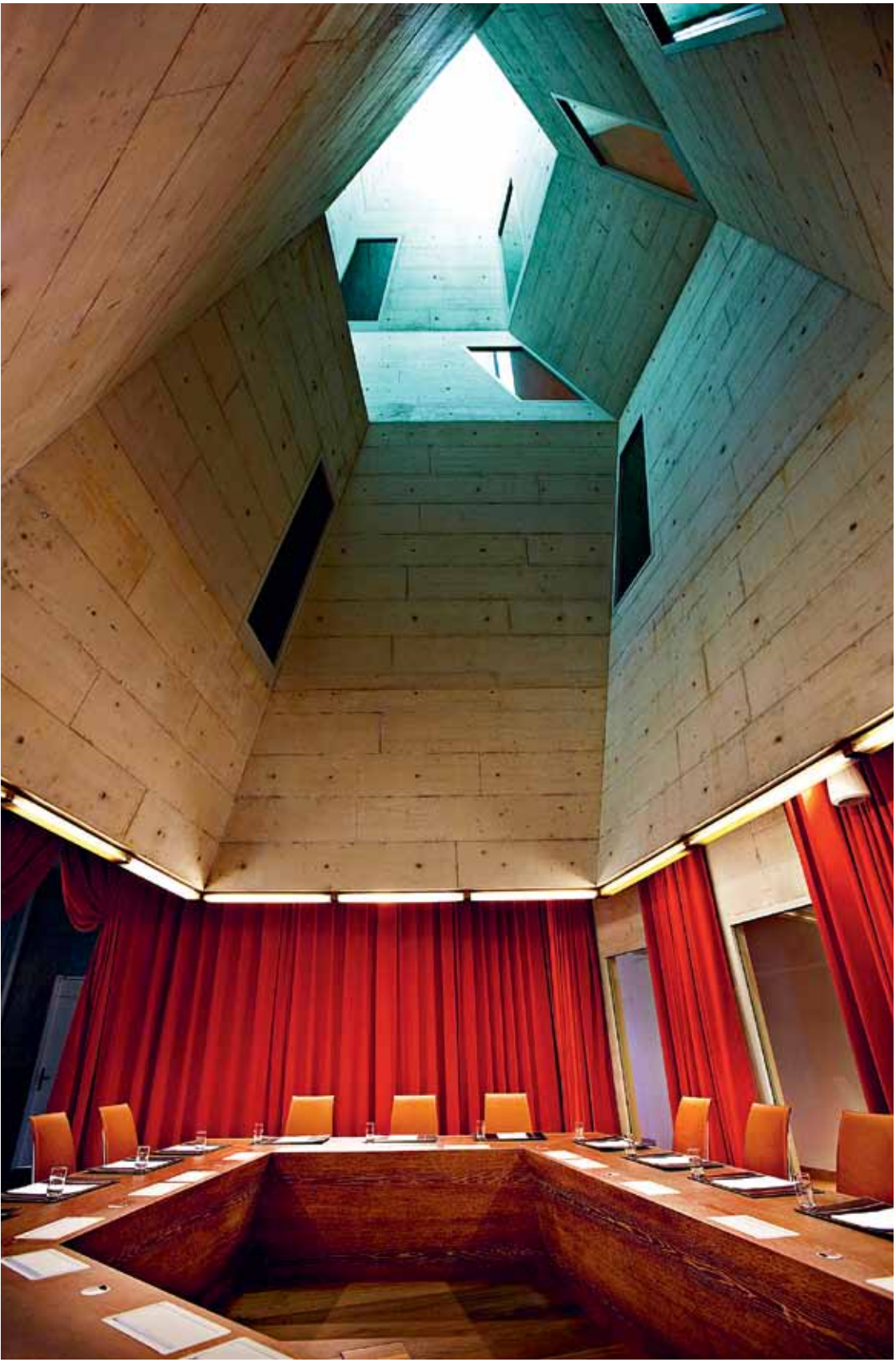

Между ванными и бассейном теперь находятся еще 51 обычный номер отеля и 8 номеров-сьютов. Сьюты размещены в бывшем холодильном цехе и сделаны по концепции «дом в доме» — независимые блоки помещены в открытом пространстве. А самое радикальное изменение в конструкции здания — бетонная шахта, пронизывающая его снизу доверху. Она и отвечает за сейсмостойчивость, и позволяет подавать естественный свет в пространство отеля. Высота гостиничного холла — 10 метров, для его оформления был куплен целый антикварно-букинистический магазин — 30 тыс. старинных книг расставлены на деревянных полках. А в бывшем машинном зале сохранено старинное оборудование, например, автомат по производству этикеток 1900 года. Альтхаммер и Хохули говорят, что хотели в первую очередь добиться симбиоза прошлого и будущего, сохранить уникальный промышленный характер конструкций и интерьеров, придав им новый смысл. Проектировщики рассчитывают, что спа будут посещать 150 тыс. человек в год, а отель — 30 тыс.

Зал для проведения бизнес-встреч освещает причудливая шахта

Шахта над залом создает над «круглым столом» сакральное пространство

реставраторы, достойные награды

текст **Маши Седовой**

Церковь Знамения иконы Божьей матери на Шереметевом дворе получила приз в номинации «Лучший проект реставрации» на конкурсе «Московская реставрация».

Церковь находится недалеко от улицы Воздвиженка в Романовом переулке. Переулок назван так по находившемуся здесь владению бояр Романовых, где и была выстроена первоначально их домовая Знаменская церковь. Бывший дворец Разумовских-Шереметевых и церковь Знамения находятся в ведении Медицинского центра управления делами президента РФ. В 2004 году в храме состоялся первый молебен, вскоре началась масштабная реставрация, которая проходила при поддержке управления делами президента РФ. 28 апреля 2008 года в храме прошла первая пасхальная служба.

Первая церковь на этом месте была построена в 1613 году, а первый Знаменский храм был поставлен в 1625 году дядей царя Михаила Федоровича Романова, Иваном Романовым в пожалованном царем имении. Икона Божьей Матери «Знамение», в честь которой был построен храм, считалась покровительницей дома Романовых. В 1656 году двор перешел в собственность государства, а в 1671 году царь Алексей Михайлович пожаловал его своему тестю Кириллу Нарышкину. Его сын Лев Кириллович и построил нынешнюю церковь. Точная дата строительства церкви Знамения не установлена и может быть названа только предположительно. Но точно ясно, что эта церковь одна из родоначальниц стиля «нарышкинское барокко». Возможно, церковь Знамения была построена сразу после другого шедевра нарышкинского барокко — церкви Покрова в Филях либо одновременно с ней.

Именно в московских и подмосковных имениях бояр Нарышкиных были построены церкви с некоторыми элементами нового для России того времени стиля. Нарышкинское барокко (его теперь все чаще называют нарышкинский стиль — чтобы не упоминать барокко, которого в этих постройках действительно нет) сыграло важную роль в истории русской архитектуры. Этот стиль стал связующим звеном между архитектурой старой патриархальной Москвы и новым стилем (петровским барокко) возводимого в западноевропейском духе Санкт-Петербурга.

В 1738 году последняя владелица церкви и двора из рода Нарышкиных, Екатерина Нарышкина, вышла замуж за фаворита императрицы Елизаветы Петровны, графа Кирилла Разумовского, который построил неподалеку свой дворец на Воздвиженке. В конце жизни, около 1800 года, он продал владение шурину своего сына графу Николаю Шереметеву, отчего оно получило название «Шереметев двор». Во время пожара 1812 года церковь горела, но была отстроена заново.

В 1929 году храм был закрыт. Здание церкви было перепланировано внутри и разгорожено на несколько этажей. В течение многих лет здесь располагалась больничная кухня, столовая и различные административные помещения Центральной Кремлевской больницы. Трапезная была сломана, стесаны белокаменные украшения нижнего яруса. В подклете разместились хозяйственная часть.

Фасады здания эпизодически реставрировались в 1950-х и 1970-х годах. Первыми исследователями и реставраторами церкви были архитекторы Евгений Михайловский и Ирина Ильенко. Полная реставрация памятника архитектуры XVII столетия, воссоздание его интерьеров требовали значительных сил. Реставрация памятника длилась около двадцати лет, с 1987 по 2008 год.

Елена Одинец, главный архитектор проектов
ГУП «Центральные научно-реставрационные проектные мастерские»

Когда мы приступили к реставрации в 1987 году, объект был в ужасающем виде. Состояние церкви ухудшилось после окончания Великой Отечественной войны. На памятнике росли деревья, белокаменный декор еле удерживался, осыпалась кирпичная кладка. Памятник погибал. Именно тогда, в 1950-е годы, обратились впервые к услугам реставраторов. Первыми исследователями были Евгений Васильевич Михайловский и Ирина Валентиновна Ильенко. Их проект предусматривал полное восстановление первоначального облика и разборку многочисленных поздних пристроек и закладок, то есть было предусмотрено восстановление храма без поздних пристроек. Этот проект не был осуществлен в полном объеме, но архитекторам удалось восстановить центральную главу, барабаны и главы алтаря. Михайловский подчеркивал, что в основу реставрации церкви Знамения положен принцип научно обоснованной аналогии. Наиболее близкой аналогией являлась церковь Покрова в Филях. В тех случаях, когда у Евгения Васильевича не было натурных и архивных данных для принятия тех или иных решений, он проектировал по аналогии. Из-за этого и из-за невозможности выполнить исследования в необходимом количестве был допущен ряд ошибок, которые нами впоследствии были исправлены. Например, мы отказались воссоздавать колонны между арками гюльбища.

Когда в 50-е годы начались первые исследования, в храме находилась столовая Кремлевской больницы и хозяйственный блок, рядом с ним

Церковь
Знамения
иконы
Божьей Матери

во дворе стояли будки, в них жили собаки. На них проверяли, не отравлена ли еда для высокопоставленных пациентов. Потом ее по подземному переходу несли в здание больницы с охраной, чтобы ничего не попало. Это мне еще Ирина Валентиновна (Ильенко. — прим. М. С.) рассказывала.

Долгие годы в интерьерах исследования не проводились ввиду особого режима территории. Столовая и другие службы использовали памятник на износ.

С 1987 по 2007 год проводились лишь работы ремонтного характера на завершении церкви. И вот наконец в 2007 году столовая покинула церковные стены и пришли реставраторы. С самого начала исследовательские, проектные и производственные работы шли параллельно. Пока в подклете храма заделывались поздние пробивки в стенах и сводах, снимался кафель с полов и стен, в четверике демонтировали перекрытия, разбирали наружные пристройки на гюльбище, мы скрупулезно изучали и (пока на бумаге) восстанавливали первоначальный вид церкви.

Очень приятные открытия поджидали архитекторов в верхней зоне четверика. Зондажами было раскрыто 12 кувшинов-голосников. А в трюпах под толстым слоем штукатурки скрывались великолепные круги с розетками из белого камня. Их обнаружение стало большой неожиданностью. Рабочие всегда хотят найти какой-нибудь клад. Им часто хочется, чтобы архитектор ушел, и они где-нибудь копнут, а там клад. И тут также. Уже было четыре часа дня, и рабочий день почти закончился. Я ушла переодеться в бытовку, а они продолжили сбивать штукатурку. И тут ко мне бегут: «Елена Григорьевна, идите скорее, интересное, какой-то луч». Я заново

Интерьер
церкви
в бытность
ее больничной
столовой

Церковь Знамения на Шереметевом дворе — это четырехугольный двусветный ярусный храм (с тремя поставленными друг на друга резко сужающимися кверху восьмигранниками). Храм построен «кораблем» с одной лестницей — всходом на трехстороннее гюльбище. Храм венчают четыре построенные в ряд главы (крупная центральная глава и три главы алтаря и двух боковых приделов — с востока). Со стороны паперти приделы имеют самостоятельные входы. С запада примыкает квадратная в плане сводчатая трапезная, связанная тремя арочными проходами с центральной частью, колокольня находится над сводом храма. Храм поднят на высокий сводчатый подклет.

Елена Одинец,
реставратор-
победитель

переодеваю в старые штаны, в кроссовки и бегу на леса. Вижу, они нашли некий белокаменный край чего-то. Кричу им: «Осторожно, это может быть хрупкое». Сама сначала не понимаю, что же это. Не ушла домой, пока не расчистили до половины одну из розеток. Уже около девяти вечера было, когда мы в полной темноте спускались с фонариком с лесов. В итоге было открыто две розетки в виде восьмиконечных звезд, а на восточной стороне две спиралевидные, напоминающие соляные знаки.

В подклете было освобождено от закладок и реставрировано 13 больших стальных ниш с подставами для навешивания створок. Эти ниши были заложены и покрыты кафелем на цементном растворе.

Мы проводили там день и ночь, разгадывали, что и где могло находиться, сбивали кафель, пытались понять первоначальную планировку. В одной из ниш стоял огромный холодильник сталинских времен из нержавеющей стали, видимо, сделанный на века и прямо на месте. Его выпиливали и по кускам вытаскивали. У поздней лестницы в алтаре был сделан лифт — ведь наверху была столовая. И на лифте продукты и блюда доставлялись туда. Внизу, в подклете, все было в перегородках. Мы по мельчайшим фрагментам, ломая перегородки, находя части подстав, восстанавливали интерьер подклета. Там находились две палаты с многочисленными нишами, предназначенными для хранения утвари, вещей, посуды, а под алтарем, как нами было установлено, находился ледник с земляным полом для хранения продуктов. Эти открытия рассказывают нам о боярском быте XVII века. В леднике хранили сметану, молоко, яйца. В усадьбе все должно быть под рукой: захотелось сметаны — побежали, принесли. Или кто-то привез окорок, сало — все тут

Ерофеев Иван

хранилось. В ледник затаскивали лед и застилали сверху соломой, на нем все долго могло храниться.

Еще одно открытие ждало нас при исследовании остатков сильно переделанной лестницы XVII века, по которой когда-то поднимались на гюльбище. Она имела другую конфигурацию и шла перпендикулярно к гюльбищу, а не под углом, как предполагал Михайловский.

Важнейшим моментом реставрации храма стало принятие решения о покраске. При исследовании памятника была обнаружена самая ранняя покраска кирпично-красным цветом, которую датировали самым концом XVII века либо до 1705 года (год смерти Л. К. Нарышкина — владельца усадьбы). В этот цвет, но с применением современных технологий, и была покрашена церковь.

В итоге после тщательной работы, долгих дней, недель, лет, проведенных нами на объекте, множества интереснейших исследований, сравнимых с хорошим детективом (например, в толще стены была обнаружена замурованная лестница — а куда она вела, так и осталось загадкой), мы восстановили церковь, максимально приблизив ее облик к первоначальному.

российские девелоперы любят круглое

подготовила **Оксана Самборская**

Morephotos

Как формируются эстетические идеи тех людей, кто энергично застраивает Москву, можно узнать по их собственным архитектурным предпочтениям. Это социально важное знание: сегодняшняя работа строительного бизнеса через два поколения неизбежно будет претендовать на звание памятника. По совпадению, обоим опрошенным девелоперам оказались особенно симпатичны круглые сооружения.

Андрей Рябинский, председатель совета директоров ГК МИЦ

Alberto Chioldi

Владислав Доронин, председатель совета директоров Capital Group

Древнеримская цивилизация — одна из самых ярких примеров огромного пласта культурного исторического наследия, который дошел и до наших времен. История развития Римской империи демонстрирует не только время завоеваний и политического верховенства, но и культурное, эстетическое развитие всей Европы. Архитектура, скульптура, живопись не перестают быть образцом творений рук человеческих.

Безупречно ровные мощенные камнем дороги, соединяющие все колонии метрополии (ими, кстати, до сих пор пользуются европейцы), выдающиеся по своей красоте храмы и амфитеатры Древнего Рима — все это вызывает восхищение и заставляет уважать великих мастеров архитектурного и инженерного чуда.

Шедевром древнеримского зодчества по праву считается Колизей. Возведенный в 70–80-х годах н. э. амфитеатр — самая масштабная и величественная постройка Древнего Рима. От всех сооружений подобного типа, построенных древнеримской цивилизацией, Колизей отличается размерами. Характеристики амфитеатра ничем не уступают современным стадионам, одновременно смотреть представление тут могли более 85 тысяч зрителей. Здесь были применены традиционные сейчас, но удивительные для того времени инженерные находки. Для защиты зрителей от солнца над куполом натягивался матерчатый тент — до сих пор не все современные стадионы оснащены крышами; для удобства зрителя в здании действовали лифты, управляемые рабами, а все арки первого яруса были пронумерованы. Конечно, рука времени не прошла для Колизея бесследно, но и сегодня он поражает своим величием, хотя прошло около 2000 лет.

История развития Москвы насчитывает более восьми столетий, и каждая эпоха оставила в городе свой неповторимый архитектурный след: от Кремля до классических усадеб и зданий советского конструктивистского периода. Многие из этих домов сегодня являются всемирно признанными памятниками архитектуры, тогда как для своего времени они являлись скорее авангардными.

Архитекторы всегда искали баланс между сложившимся архитектурным обликом города и уникальным духом своего времени, стремились, сохранив уважение к прошлому, отразить в новых зданиях неповторимый стиль своей эпохи. Кстати, и сегодняшние качественные архитектурные проекты развиваются по тем же законам: новые здания, с одной стороны, вписываются в исторический городской пейзаж, с другой — делают город более современным, привносят в его облик новые стилистические черты, которые придают городу уникальность.

Яркий пример такого подхода — дом-мастерская советского архитектора Константина Мельникова, который я могу назвать своим любимым историческим зданием в Москве. Этот экспериментальный жилой дом, созданный мастером для себя и своей семьи в 1920-х годах, стал сенсацией своего времени. Его новаторский подход к внешнему виду, планировочным решениям и функционалу здания более чем оригинален. В наши дни он по-прежнему остается на пике авангарда и является одним из самых уникальных московских зданий, настоящим памятником Архитектуры. 🏠

www.vihodvgorod.ru

В конце 2011 года благодаря инициативе департамента культурного наследия города Москвы был запущен проект бесплатных экскурсий с посещением памятников архитектуры под названием «Выход в город»

Цель проекта — увлекательное и неформальное знакомство широкой публики с архитектурным прошлым Москвы, которое тесно связано с его настоящим и будущим. Цикл экскурсий расширился и теперь состоит из более чем 50 позиций. Планируется посещение отдельных зданий, особняков, церквей, монастырей; к весне добавятся пешеходные экскурсии-прогулки, объединенные одной темой.

Посетить экскурсии могут все желающие. Для этого необходимо ознакомиться с расписанием экскурсий на официальном интернет-сайте проекта www.vihodvgorod.ru, заполнить электронную заявку или записаться по многоканальному телефону (+7 499) 393 37 39, (+7 495) 540 45 47. Затем, получив подтверждение записи, прийти в обозначенное время к месту начала экскурсии.

Для удобства записи расписание ежемесячно обновляется.

чудесное превращение здания Кругового депо в музей

Здание Кругового депо Николаевской железной дороги, чудом избежав сноса, получило не только статус памятника регионального значения, но и «рабочее место»: предполагается, что здесь разместится Музей железной дороги.

Советник руководителя Мосгорнаследия Николай Переслегин признал, что «тот факт, что Круговое депо не будет снесено, — это очень большая победа защитников наследия. Что же касается его дальнейшего использования, то было бы правильно сделать там уникальный музей железной дороги, тем более что Николаевская дорога имеет очень большую историю и традиции». Он также предложил провести конкурс на разработку концепции будущего музея в международном формате.

Круговое депо — одно из старинных паровозных депо Москвы, спроектированное в середине XIX века выдающимся архитектором Константином Андреевичем Тоном. Принцип работы Кругового депо был принят за образец не только в России, но и за рубежом. Историки и архитекторы сходятся во мнении, что здание депо идеально подойдет для создания музея железной дороги, который сейчас в столице фактически отсутствует: Железнодорожный музей на Рижском вокзале представляет собой открытую площадку, а музей, переведенный с Казанского вокзала на Павелецкий, фактически не работает, к тому же ведомственные музеи не предназначены для открытого посещения. Если музей будет создан, то там может быть выставлена не только техника, но и документы, фотографии, форма сотрудников железной дороги и так далее. А крытую и уличные площадки можно было бы соединить в рамках одного комплекса.

исторические здания могут «сдаться» иностранцам

38 зданий находятся под угрозой отчуждений в пользу офшорной компании Vergillios LMS Limited. Среди них 28 памятников архитектуры в центре Москвы, в том числе ансамбль Рогожской ямской слободы, XIX век (18 зданий на Школьной улице); палаты XVII–XVIII веков на Кожевнической улице (д. 19, стр. 6 и д. 21, стр. 1); дом Долгоруковых середины XVIII века (Москва, Колпачный переулок, д. 6, стр. 2); усадьба Снегирева, первая четверть XIX века (ул. Плющиха, д. 62, стр. 2) и другие.

Коллизия исторического значения возникла в результате санации и последующего банкротства в 2009 году небольшого столичного банка «Московский капитал». В 2007 году банк «Московский капитал» заключил кредитные договоры с рядом ООО, поручителями по которым выступили несколько ФГУПов, которым и принадлежат исторические здания. В 2009 году банк обанкротился, и конкурсный управляющий в лице Агентства по страхованию вкладов (АСВ) получил решения судов о взыскании долгов с заемщиков. Ввиду отсутствия у них возможностей расплатиться АСВ обратилось к поручителям в лице ФГУПов с исками, которые были удовлетворены уже в 2011 году. После чего арбитражный суд Москвы по требованию АСВ выдал исполнительные листы на взыскание долга. В конце марта президиум Высшего арбитражного суда (ВАС) рассмотрел жалобу Росимущества, которое пытается в порядке надзора отменить обращение взыскания на исторических памятники. Своим решением президиум ВАС РФ отменил все судебные акты нижестоящих судов и отправил дело на новое рассмотрение в арбитражный суд Москвы.

площадь Победы

началась реставрация Триумфальной арки

Департамент культурного наследия города Москвы приступил к реставрации объекта культурного наследия регионального значения «Триумфальная арка». Первый этап — демонтаж скульптурной статуи «Богиня Победы» и колесницы, венчающих арку, — состоялся в ночь с 15 на 16 марта 2012 года. Решение о необходимости демонтировать скульптурную композицию «Колесница Победы» было принято по результатам предварительных исследований состояния памятника, проведенных в начале марта 2012 года. Специалисты сделали вывод, что на крыше Триумфальной арки невозможно заменить основные крепежные элементы скульптуры, пришедшие в нерабочее состояние.

В настоящий момент демонтированные скульптуры продолжают оставаться на огороженной территории Триумфальной арки. Первые работы по очистке от коррозии будут произведены на месте, затем статую «Богиня Победы» и колесница будут транспортированы в помещения реставрационной мастерской. В обновленном виде арка предстанет взору москвичей в сентябре 2012 года.

«выходить в город» решено как можно чаще

Количество бесплатных экскурсий по памятникам архитектуры столицы в рамках проекта «Выход в город», организуемых департаментом культурного наследия города Москвы в 2012 году, увеличено до 30.

В 2012 году в рамках проекта планируется посещение отдельных зданий, особняков, церквей, монастырей, а к весне добавятся пешеходные экскурсии-прогулки, объединенные в одну тему, например: «Исторические стили в архитектуре Москвы», «Федор Шехтель и московский модерн», «Архитектура авангарда и ар-деко в центре Москвы», «Архитектура Замоскворечья», «Семь высотных зданий Москвы» и другие. Экскурсоводами выступят известные москвоведы и исследователи архитектуры. Посетить экскурсии могут все желающие. Для этого достаточно записаться на официальном сайте проект vihodvgorod.ru.

Николаямская улица, Подсосенский переулок

аренда за рубль с реставрацией

Москва выставляет на аукцион три памятника архитектуры. Условия аукциона — аренда памятника на 49 лет по цене 1 рубль за 1 кв. м в год после реставрации здания.

На торги будут выставлены два здания на Николаямской улице: городская усадьба Морозовых конца XVIII — начала XIX века площадью 827,9 кв. м и жилой дом Баулина архитектора Николая Струкова, построенный на основе палат XVIII века, площадью 704,9 кв. м. Также на аукционе будет предложена городская усадьба XVIII–XIX веков архитектора Константина Буссе в Подсосенском переулке, дом 23, строение 3, площадью 993 кв. м.

Торги по всем трем объектам будут проходить на площадке СГУПа по продаже имущества города. Стартовая цена для усадьбы Морозова равна 5,3 млн руб. в год, для дома Баулина — 3,5 млн руб. в год, а для усадьбы в Подсосенском переулке — 6,5 млн руб. Шаг торгов: 178–325 тыс. руб.

Льготная стоимость найма исторических особняков в 1 руб. за 1 кв. м начнет действовать для арендаторов после проведения ремонтно-реставрационных работ по восстановлению объекта и будет распространена на весь период до окончания срока действия договора аренды. Торги состоятся 25 апреля.

Карта памятников

27 марта 2012 года решением правительства Москвы пополнился единый государственный реестр объектов культурного наследия. Утвержден не только охранный статус, но и границы территорий объектов культурного наследия, а также режимы использования земельных участков, расположенных в их границах. По всем объектам культурного наследия проведена государственная историко-культурная экспертиза, по результатам которой департамент культурного наследия города Москвы рекомендовал принять их под государственную охрану в качестве объектов культурного наследия регионального значения.

В составе первой группы особняки рубежа конца XIX — начала XX века:

1 ул. Большая Никитская, д. 56, стр. 1
Городская усадьба Я. А. Рекка, начало XX века, архитектор Г. А. Гельрих

2 Пречистенский пер., д. 9, стр. 1
Городская усадьба М. К. Морозовой, XIX–XX век, архитектор И. В. Жолтовский. Здесь в 1910-х годах проходили заседания религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева, бывали: П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. Белый, Б. Л. Пастернак и др.

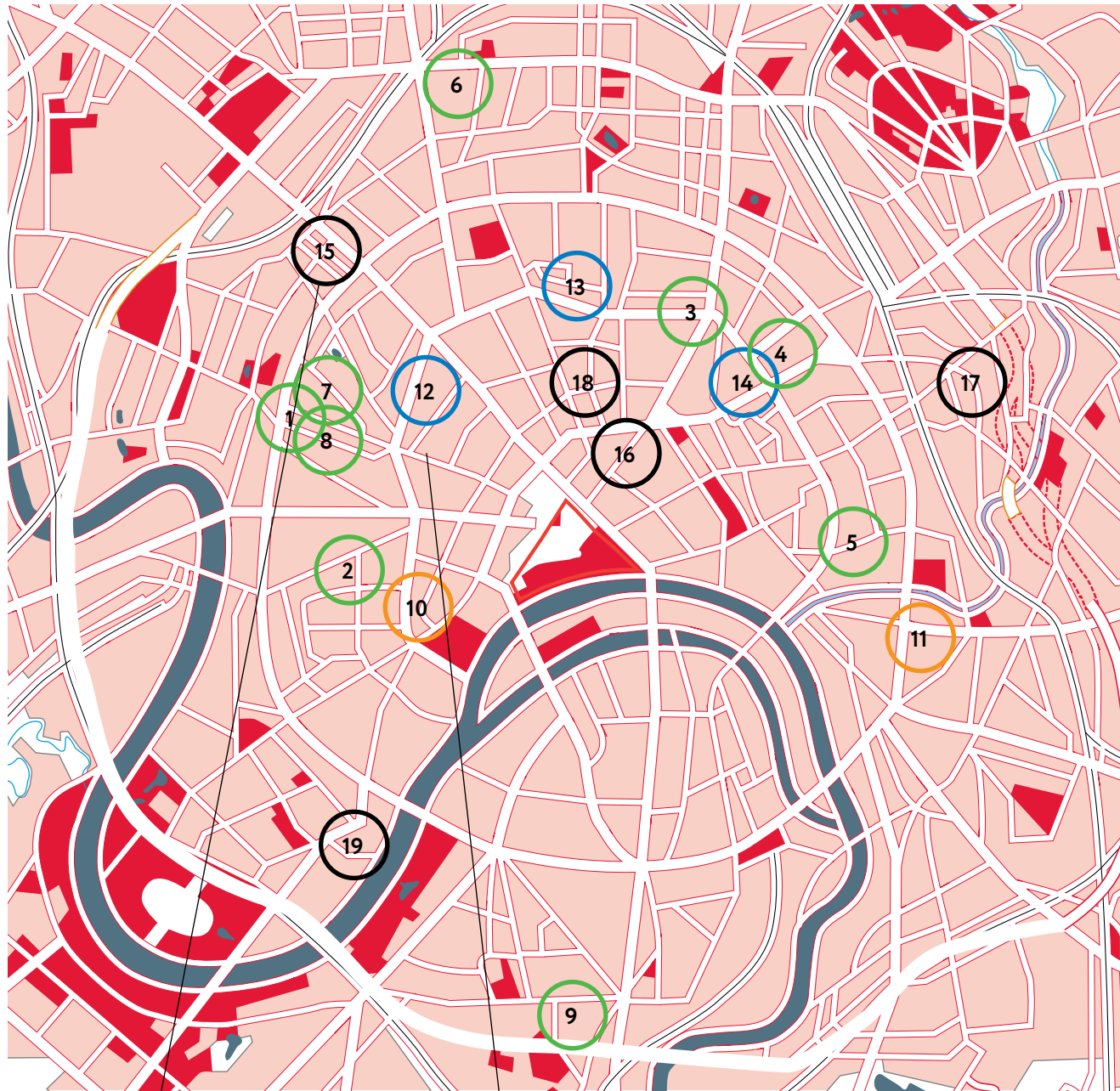
3 Рождественский б-р, д. 16, стр. 1
Городская усадьба А. П. Карамышевой, доходное владение К. Е. Ценкер, конец XVIII — 2-я половина XIX века, архитектор Б. В. Фрейденберг

4 Гусятников пер., д. 11
Доходный дом («Дом с рыцарем») М. О. Эпштейна, 1912 год, архитектор В. Е. Дубовской

5 ул. Воронцово Поле, д. 6–8
Усадьба Латышевых–Бахрушиных–Бардыгиных, XIX век, архитекторы А. В. Иванов, К. К. Гиппиус, И. Т. Барютин, С. Ф. Воскресенский

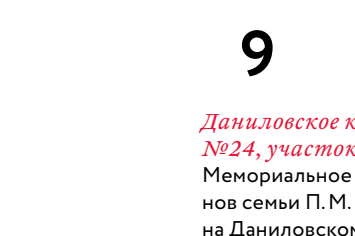
6 Вадковский пер., д. 7, стр. 1
Городская усадьба А. В. Маркина, 1904–1905 годы, архитектор П. В. Харко

7 ул. Спиридоновка, д. 13
Городская усадьба Р. И. Гесте, начало XX века, архитектор С. С. Щуцман

8 Хлебный пер., д. 28
Городская усадьба, XIX–XX века, архитекторы С. А. Елагин, В. А. Мазырин и А. Н. Зелигсон, дом, в котором жил, работал и в 1862 году умер композитор и театральный деятель А. Н. Верстовский и другие

9 Даниловское кладбище, могила №24, участок «Стрелка»
Мемориальное захоронение членов семьи П. М. и С. М. Третьяковых на Даниловском кладбище

Объекты-счастливиčky, внесенные в единый госреестр и вверенные заботам собственников:

10 Нащокинский пер., д. 4
Доходный дом, 1892 год, архитектор И. И. Поздеев (в основе главный дом усадьбы В. Н. Никитина, 1830-е годы). Реставрация здания проведена

11 Малый Дровяной пер., д. 5
Особняк городской усадьбы XIX века связан с именем Л. Н. Толстого. Собственник планирует реставрацию здания и реставрационное восстановление флигеля усадьбы

Объекты, требующие срочного решения правительства Москвы в связи с угрозой сохранности:

12 Вознесенский пер., д. 11, стр. 3

Доходный дом, 1908 год, архитектор В. И. Мясников. Сохраняет оформление фасадов раннего модерна, пространственно-планировочную структуру интерьеров. Инвестор, несмотря на то, что здание — объект культурного наследия, и на отказ Градостроительно-земельной комиссии города Москвы, прорабатывает вопрос о сносе объекта

13 Печатников пер., д. 7
Жилой дом, 2-я пол. XIX века. Здание обладает историко-культурной ценностью, сохраняется лепное оформление фасадов с карнизами, лепнина в интерьерах. В аварийном состоянии и нуждается в срочной реставрации

14 Потаповский пер., д. 6
Главный дом усадьбы с палатами, конец XVII–XVIII века, XIX–XX века сохраняют уникальное убранство интерьеров. В аварийном состоянии, нуждается в срочной реставрации

29 февраля 2012 года Комиссия по градостроительной деятельности при правительстве Москвы вынесла решение о постановке на государственную охрану объектов культурного наследия регионального значения:

15 2-я Брестская ул., д. 19/18, стр. 1
Дом купца В. Е. Быкова, построенный в 1909 году знаменитым архитектором Львом Кекушевым

16 Никольская ул., д. 23, стр. 1, 2
Здание «Расстрельного дома», или здания Московской ремесленной управы XVII–XIX веков, где в 1930-х годах Военная коллегия Верховного суда СССР выносила смертные приговоры жертвам политических репрессий

17 ул. Радио, д. 17, корп. 6
Здание Центрального аэрогидродинамического института 1925–1931 годы, архитектор А. В. Кузнецов

18 ул. Кузнецкий Мост, д. 12/3, стр. 1
Пассаж К. С. Попова — братьев Джамагаровых 1873–1877, 1883, 1906 годов, работы архитекторов А. С. Каминского, А. И. Резанова, А. Э. Эрихсона

19 1-я Фрунзенская ул., д. 3а, стр. 1
Главный павильон Строительной выставки 1933–1934 годов

конструктивистский взгляд на Москву

фотографии **Александра Родченко**, предоставлены его внуком **Александром Лаврентьевым**, автором книги «Александр Родченко»

Папиросница. Страстная площадь. 1926 год
Снято камерой 4×6,5

Каждый художник имеет свойство пре-
ображать действительность. Александр
Родченко пристально рассматривает со-
временные ему здания — пространство
Москвы — в соответствии с конструкти-
вистскими установками, которые частично
сам и придумал. Он видел Москву в резких
ракурсах, по диагонали, техницистской,
движущейся и непременно современной.
Родченко или подстраивает к старым видам
новые детали, или, изображая современные
ему здания, детали выхватывает.

Колокольня Страстного монастыря — явно лишняя
на советском празднике жизни

Здание газеты «Известия». 1932 год
На фасаде цитата из речи Сталина «Большевики должны овладеть техникой»

МОГЭС.
Здание московской теплоэлектростанции. 1932 год

Московский планетарий. 1932 год
Архитекторы Михаил Барцц и Михаил Синявский

© Архив А. Родченко и В. Степановой

Стадиона «Динамо» в этом виде уже нет, так что эта
фотография – памятник памятнику

Вам что из конструктивизма больше всего нравится?

подготовил **Алексей Кириллов**, иллюстрация **Иры Троицкой**

Сергей Скуратов, архитектор

Для меня конструктивизм — огромная часть нашей архитектуры и вообще отечественной культуры. К сожалению, конструктивизма в Москве очень мало, буквально несколько зданий. Самое интересное, пожалуй, это то, что построили Мельников, Голосов, Николаев. Эти дома разбросаны по Москве, в основном в условно неблагополучных районах, и это понятно — конструктивизм все-таки левое движение, движение навстречу беднякам, рабочим, обездоленным... Отсюда все эти клубы, рынки, гаражи. Алмазом на этом фоне выглядит дом самого Мельникова, он уникальный по типологии и по месту расположения. Из остального, что можно отметить, — ДК им. Русакова, клуб Зуева и Мельниковский гараж. А вот «Дом на набережной», который часто ошибочно относят к конструктивизму, не люблю: это скорее переход от конструктивизма к пусканию пыли в глаза, которое было характерно для сталинской архитектуры. На мой взгляд, конструктивизм, при всем моем к нему уважении, далеко не лучшее, что было в архитектуре XX века.

Эдуард Лимонов, писатель, лидер партии «Другая Россия»

Я люблю конструктивизм в стиле Шарля Ле Корбюзье. В Москве само понятие «конструктивизм» передали неправильно, большинство зданий соорудили серо и казарменно, я бы все перестроил. Из всех зданий этого архитектурного стиля меня привлекает только «Дом на набережной», и то больше своей историей, судьбой...

Алла Демидова, актриса

Здания в стиле конструктивизма мне не совсем по сердцу, потому что это Москва 30-х годов, не самое мое любимое время. Так что, здесь вопрос не столько в эстетике, сколько в восприятии и ассоциациях со временем. Даже во Франции дома-коммуны мне не нравились, я поклонница стиля ам-пир, старых московских дворов и домиков, а к строгости и лаконичности конструктивизма равнодушна.

Сергей Капков, руководитель департамента культуры Москвы

Мне очень нравится здание ДК ЗИЛ и дом Наркомфина, жаль, что он сейчас в таком состоянии. Очень жду, когда начнется его реставрация. Конструктивизм для меня — это, конечно, авангард в архитектуре, я отношусь к нему с особым трепетом. Мы в департаменте насчитали, что в Москве таких зданий сохранилось более ста. И почти каждое из них — драгоценность.

Михаил Шац, телеведущий

Мне нравился стадион «Динамо», жалею, что сейчас о нем можно говорить только в прошедшем времени и Московский планетарий нравится, и вообще сам стиль. Я не считаю, что он такой уж простой и строгий, как его преподносят, наоборот, он очень яркий, связан с интересной и длинной исторической эпохой, ему не нужны адвокаты и защитники.

Михаил Хазанов, архитектор

Очень люблю дома Мельникова, Гинзбурга на Новинском бульваре, дом Ивана Николаева, общежитие Текстильного института — это, пожалуй, первое, что приходит на ум. Конечно, наш конструктивизм немислим без клубов — Веснина, Голосова на Лесной, ДК им. Русакова. Это шедевральные вещи. А есть еще много менее шедевральных зданий, например, замечательный район Усачевка, дом правительства Иофана и другие. Вообще конструктивизм — это единственный период, когда Россия задавала тон всей мировой архитектуре. Так что им нужно дорожить по-особенному, во многом наша современная архитектура вышла именно из конструктивизма.

Ксения Собчак, телеведущая

Мне очень нравится дом-коммуна на Гоголевском бульваре. Я вообще считаю, что к конструктивизму можно по-разному относиться, но он — единственное, что есть в московской архитектуре своего. Не привезенного, не заимствованного, абсолютно аутентичного. Мне кажется, он большая ценность.

Марат Гельман, директор Музея современного искусства

Мне очень нравится клуб рабочих в районе Рижской. Это действительно монументальное и красивейшее здание конструктивизма. Еще нравится кинотеатр «Ударник». Не знаю, можно ли отнести «Гараж» к конструктивизму, но это сооружение тоже очень интересно и сердцу мило. В таких местах всегда находишь вдохновение, а в нашей суматошной жизни это просто необходимо.

Ольга Свиблова, директор Мультимедиа Арт музея

Обожаю конструктивизм. В 1986 году я делала фильм об Александре Мельникове и о его уникальном доме в Кривоарбатском переулке. Работала тогда с огромной любовью и к дому, и к Мельниковым. С тех пор считаю дом Мельникова самым лучшим и красивым зданием конструктивизма. Конечно, нельзя не отметить здание «Ударника» и «Дом на набережной». Сейчас я довольно часто приезжаю к этим домам, чтобы просто побродить, впитать в себя их атмосферу. Это лучшее, что есть в Москве, но, к сожалению, все в ужасном состоянии. Дом Мельникова просто рушится на глазах. Мы уже разрушили Детский мир, чтобы ни говорили, там сейчас нет даже крыши, не говоря о колоннах. Разрушили гостиницу «Россия», а ведь этот был настоящий памятник архитектуры 70-х годов прошлого века. Я уверена, к дому Мельникова было бы паломничество туристов, ведь в Москве, кроме Кремля, ничего и не сохранилось — ужасный новодел со стеклопакетами. Но у нас нет гордости, нет памяти, поэтому здания конструктивизма — памятники советской эпохи, мы уничтожаем.

Лев Рубинштейн, поэт, публицист

Конструктивизм я очень люблю, потому что это чуть ли не единственный самобытный стиль в нашей стране, который стал вполне конвертируемым, международным, и везде ценится. Любимые здания, пожалуй, ДК им. Зуева на Лесной, гаражи Мельникова на улице Образцова, очень элегантное здание Моссельпрома... Еще мне очень нравится Минсельхоз, спроектированный Щусевым, хотя архитекторы считают, что в конструктивистском смысле он не очень чистый.

утопия в разрезе

подготовила Яна Миронцева,
проектирование Оксаны Веселковой, графика Родиона Китаева

Журнал «Московское наследие» с этого номера будет представлять московское жилье разных эпох в аксонометрических проекциях. Проект открывает ячейку типа F Дома Наркомфина, «иконки конструктивизма». Поэтажные планы предоставлены ИК «Коперник».

Мастерство конструктивиста позволило вписать в двухкомнатную квартиру площадь 36,5 м² всю полноту частной жизни

Ключевая идея ячейки — расположить жилье на трех уровнях: таким образом экономится общественное пространство

ОБЩАЯ ПЛОЩАДЬ (М²)

ДВУСВЕТНОЕ ПРОСТРАНСТВО

ТРИ УРОВНЯ

ПЕРВЫЙ УРОВЕНЬ
(ОБЩИЙ КОРИДОР / САНУЗЕЛ)

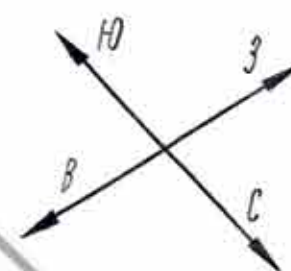
ВТОРОЙ УРОВЕНЬ (ГОСТИНАЯ)
ВЫСОТА ПОТОЛКА (М)

4

ТРЕТИЙ УРОВЕНЬ (СПАЛЬНАЯ / САНУЗЕЛ)
ВЫСОТА ПОТОЛКА (М)

2,2

ВОСТОЧНЫЙ ФАСАД

2 САНУЗЛА

Пространство экономит и расположение санузлов одного над другим

Москва и Рим прекрасные

текст **Сергея Никитина**

Ивановский монастырь, Москва

Церковь Успения на Могильцах, Москва

Скульптура «Павильона животноводства» ВДНХ, Москва

Foto Svetlana

Рим — родной город для русских. «Roma — и я дома» пошутил Карл Брюллов, и эта фраза стала паролем. Что-то у нас там происходит, защемляется в каком-то единственно правильном направлении. Я много лет пытаюсь разобраться в этих ощущениях, понять, что все же объединяет два совершенно разных города. И вот пришел к выводу, что видим в Вечном городе то, чего самим нам не хватает. Мажорности, яркости и естественной праздничности. Удивительно, что примерно в таком же свете видят Москву современные итальянцы.

Свет и мечты
Золотые города, Рим и Москва. Их особенно чувствуешь на закате и на рассвете, когда солнечное золото теряется в дымке, в лесе домов и куполов. Я слышу Рим, когда смотрю вниз со счастливой громады Воробьевых гор и Университета — не зря здесь когда-то хотели построить громадный храм. Так же важен свет над римским пейзажем, если смотреть на город с террасы над Испанской лестницей в сторону Сан-Пьетро и холма с памятником Гарибальди.
Эти мягкие закаты-рассветы ничего не прибавят Парижу, Берлину или Лондону, а вот Рим с Москвой расправляют крылья, насыщаясь — дыша надеждой, ожиданиями, великими иллюзиями. Мы, римляне и москвичи, ведь ничего не производим — наша деятельность целиком поглощена прожектami, управлением и, конечно, мечтами.
Из-за этой вечной мечтательности наши города ложатся спать поздно, хотя ночная жизнь и очень разнится. В Риме хоть и почти нет клубов в нашем смысле слова, все равно ложишься поздно. Здесь нормально ужинать в 9–10 вечера, а домашние вечеринки редко

начинаются раньше 10. Римлянин всегда должен поест, немного отдохнуть, потом можно идти веселиться.
Про настрой
Как-то мы гуляли по Риму с лингвистом Федором Успенским. Любовь к Риму он объяснил тем, что русские, с его точки зрения — это южане, оказавшиеся волею судеб на севере. Темперамент общий, перевести иной раз невозможно, но понимаешь с полуслова. Яркая эмоциональная оценка отличает нас с итальянцами и от скукающих французов, и позитивно смотрящих в будущее немцев. Этим многое объясняется.
Редко теперь встретишь итальянца, которому бы не нравилась Москва — bella, allegra, с интересными людьми. И совсем немного русских, которым бы не нравился Рим. Причем я совсем не о художниках здесь говорю, а о продавцах машин, копирайтерах, бухгалтерях, сановниках и милиционерах. Мать одного богатого человека, деревенская пожилая женщина, никогда ранее не бывавшая за рубежом, вернулась из тура по Европе. Как рассказала мне ее приятельница, Барселона не тронула, в Париже привлек лишь Латинский квартал и... «что тут делать семь дней?», а вот Рим... Рим показался Елене Ивановне большим Латинским кварталом, и она не хотела оттуда уезжать. Как жить так? Непринужденно, спокойно и весело одновременно?
Впрочем, внимание к настроению города у современных русских и итальянцев — вещь новая. Еще лет тридцать назад, в годы застоя в Москве, по словам одного из журналистов, было «негде перекусить и из развлечений были только музей с подписями только по-русски, Большой театр и ресторан “Арагви”».

В свою очередь, руссо туристо обliko-морале эпохи «Бриллиантовой руки» оценивал Рим довольно строго: запущенный, облезлый местами город, дома мрачные. Да еще в конце 1990-х я слышал от работников русского посольства: город никудышный, магазины — дорогие, технику в Россию привозить не имеет смысла, то ли дело Вена или Берлин... Один паренек рассказывал после поездки, что в Риме все дворцы похожи на Лубянку и тюрьмы. И правда, если пригладеться, многие здешние палаццо довольно мрачной наружности. Мы, во всяком случае, так палаццо не строим — наша архитектура яркая, звучная, взять хотя бы Большой Кремлевский или Царицынский.
И я скажу вещь почти одиозную — архитектуры в Риме особо и не замечаешь. Рим захватывает единым порывом, глобальным галопом, в котором смешивается Испанская лестница, скульптура фонтана Треви, мороженое-джелато, оранжевые автобусы и водители в них, которые в галстуках и пиджаках выглядят как молодая профессура. До его стен, портиков и разглядывания собраний доходят руки только у людей щепетильных — тех, что путешествуют со списками мест, которые нужно оглядеть. Раз колонна, два колонна, катакомбы первые, вторые, третьи...
Когда знакомые едут в Рим в первый раз, часто спрашивают совета; спустя почти два года, проведенных суммарно в этом городе, могу сказать: расслабьтесь, любуйтесь, не спешите, побудьте еще, поживите там. Капелла Систина и Сан-Пьетро — must, все остальное — как получится.
В свой самый первый жаркий римский день я набрел тенистыми улочками на Пантеон, потом на пьядцу Навона с фонтаном

Questi amori non finiscono — эти романы не заканчиваются (итал.)

Сергей Никитин

Собор Святого Петра, Рим

Скульптура атлета на стадионе фашистского времени, Рим

Сергей Никитин

Сергей Никитин

Колизей, Рим

Фонтан «Тритон»

Сергей Никитин

уже освоился в городе и знал его как свои пять пальцев, несколько раз терялся...
А Москва? Про что наша Москва? Активная, динамичная, яркая. У нас есть великий Кремль, построенный итальянскими мастерами — правда, не римлянами, а из Северной Италии. Но в Кремле были единицы, зато все итальянцы бывали на Красной площади (и каждый раз, приезжая, туда приходят). И не только потому, что в Кремле дорогие билеты и неудобный режим работы, а потому что Красная площадь является эмоциональной доминантой города. Москвичи по большей части этого и не видят — для нас это по-прежнему простое туристическое место.
Брежневская деловитость
Сказочный город Рим. Золотой божественный фон как в византийской мозаике Санта-Мария-ин-Трастевере. Здесь нет никаких особенных дел. У римских бардов, наших современников Франческо де Грегори и Антонелло Вендитти даже голоса с какой-то особой ленцой. Все брошено на половине — строительство третьей ветки метро откладывается уже 10 лет. Или, может, 20? И любые попытки что-то сделать вовремя наталкиваются на какое-то природное искомное сопротивление. «Приходите завтра» звучит привычно и совершенно неудивительно. Свою родную бюрократию римляне называют brezhneviana — по имени генсека КПСС Леонида Ильича Брежнева, а трудовиков — stacanovista, стахановцами. И это, скорее всего, два самых заметных заимствования из русского языка, не считая «спутника» и «перестройки».
Впрочем, лень все-таки смешивается с любопытством, и двери могут приоткрыться. Сразу после университета я поехал ра-

аттракцион «Уста истины» и вечная очередь. Итальянские коллеги удивлялись: «Как тебе удалось попасть в комиссию? Нас туда не пускают годами!» Правда, через несколько месяцев мы снова раздружились, когда случайно, по совету сотрудницы Терезы, я набрел на неописанную часть архива, где находились дела, считавшиеся утраченными. И тут уже пришлось обратиться за помощью к тогдашнему мэру города. И после этого мы снова стали друзьями...
Семейная жизнь
Когда в хмурую, студеную пору греческая принцесса Софья Палеолог прибыла в Московию из Рима с книгами от своего учителя, римского кардинала Виссариона, для того чтобы стать женой великого князя Ивана III, мог ли кто-то представить, что это будет начало великой дружбы между Италией и Россией? В эпоху Ивана III итальянцев приглашали строить Москву, но вот уехать уже было невозможно — все архитекторы были принуждены умереть в городе, некоторые в заключении. Сейчас стало полечче, хотя туристическая виза для итальянцев в нашу страну официально стоит 400 евро (!).
Но вернемся к нашим отношениям: римлянин и москвич ищут друг в друге лучшее. Причем если проговаривать, за что мы любим друг друга, можно и обидеться. Римлянин вряд ли не поймет москвича, который отправится гулять вдоль Тибра — несмотря на дикую загазованность, неудобство, вспученный асфальт. Но ведь тут платаны, которые, как челки, свисают на лоб, Сан-Пьетро, и потом даже бензин здесь пахнет как-то особо. В свою очередь, итальянец чувствует очарование Таганки, может пойти на экскурсию по Марьино. И вдруг молвить про мрач-

ную полицию?» Спустя два месяца настал черед Московской велоночи, она проходила по просторам Восточного округа, и на рассветном пикнике на шоссе Энтузиастов уже мои московские друзья спрашивали, откуда взялись такие внимательные гибдэдэшники. Из Италии, что ли? Конечно! Привезли и переодели в нашу форму.
...Можешь быть нищим или богатым — пожалуй, даже никакой разницы. Как только видишь белые буквы вокзала «Термини» на синем фоне, бежишь к выходу из поезда, поскорее туда, в римское человеческое море. И то, что там,-- даже не то, что ты видишь, а то, что на лице у тебя написано, когда просматриваешь фотографии оттуда. Когда смотрел фотографии первых приездов в Рим, оказывается, что там больше всего зелени. Пинии, кипарисы, платаны, апельсиновый сад на Авентине. «И невозможно удержаться и не снимать небо, оттого половина кадров засвечена».
Честно говоря, то, что Москва — удивительно зеленый город, я тоже узнал от итальянцев... 🍷

между ризницей и криптой

текст **Ирины Мак**, фотографии предоставлены куратором музея **Адой Беляевой**

**О создании в Московском ставропигиальном Зачатия свя-
тыя Анны Алексеевском монастыре, больше известном как
Зачатьевский монастырь, Подземного музея было объявле-
но два с лишним года назад. В ноябре 2010-го, после освя-
щения собора Рождства Пресвятой Богородицы, возве-
денного на месте уничтоженного в 1930 году храма, прошел
пробный показ фрагментов экспозиции. Она до сих пор не
завершена, но открытие музея в ближайшее время не вы-
зывает сомнений. И это будет первый в нашей стране музей
в подклете собора. Древности, сохранившиеся на террито-
рии монастыря, собраны именно здесь.**

Глубокая древность
16 марта 1925 года здесь отслужил свою последнюю
службу патриарх Тихон. И спустя девять дней его не стало.
В 1927-м монастырь был закрыт, в 1930-м уничтожен Рожде-
ственный собор, а на его месте, рядом с изуродованным до
неузнаваемости храмом Сошествия святого Духа, появилась
школа. Типовая московская школа, с заглубленным в зем-
лю спортзалом — из-за него, как показали раскопки, была
уничтожена часть фундамента монументального собора. Но
многие подземные сооружения Зачатьевского монастыря
сохранились и были обнаружены экспедицией Институ-
та археологии РАН под руководством Леонида Беляева,
ведущего специалиста в области церковной археологии в
нашей стране. Раскопками был открыт как бы целый доле-
тровский город (ведь каждый монастырь — это своего рода
маленький городок). Были обнаружены древние кладки
каменных храмов и целая «улица» с подвалами деревянных

келий, а между ними и, частью, в них самих изучены захо-
ронения XIV–XVI веков (их около 1000!), место деревянной
церкви XIV века, остатки каменной трапезной XVI столетия.
Собрана масса керамики. Среди главных раритетов — мо-
сковские монеты с арабской вязью (след татарского ига),
первые в Москве фрагменты одноцветного китайского
фарфора (селадона), яркая глазурованная керамика из Орды,
резанная по кости иконка XV века «Святой Никита мучает
беса» в окладе. Предмет особой гордости и археологов,
и общины — идеальной сохранности черный керамический
рукомыльник конца XV или начала XVI веков в виде барашка
(сестры именуют его агнцем).

Раскопки начались в 2003 году, перед тем как в возвра-
щенном церкви монастыре стали возводить новый собор.
Причем инициатива принадлежала именно монастырю
в лице его настоятелиницы, игуменьи Иулиании (Каледы),
которая была готова повременить со строительством ново-
го храма с тем, чтобы провести углубленный поиск древно-
стей обители. Раскопки выросли в самый крупный археоло-
гический проект, осуществленный в те годы в российских
монастырях. Самый крупный и, видимо, самый сложный, с
точки зрения его организации и инженерной составляющей.
Остатки старинных фундаментов, зафиксировав, укрепили,
вывесив на временных опорах и подведя новые, бетонные.
На специальных столбах утвердили бетонную же плиту,
достаточно прочную, чтобы защитить остатки древнейших
зданий, переплетающиеся и соединяющиеся друг с другом.
И таким образом зафиксировали музейное пространство,
которое нам еще предстоит оценить.

**Леонид Беляев: церкви необходимо по-
вернуться лицом к археологии**
Музеи в криптах церквей, традиционные
для Европы, в России — новинка. Будущий
музей в подклете Рождественского собо-
ра — первый опыт. О том, как он создавал-
ся и надо ли нам приобщаться к западной
традиции, обозреватель «Московского на-
следия» Ирина Мак спросила руководителя
археологической экспедиции в Зачатьев-
ском монастыре, заведующего сектором
археологии Москвы Института археологии
РАН Леонида Беляева.

**Почему у нас никогда не открывали
в криптах церквей музеи?**
Нет такой традиции. Это одно из корен-
ных различий западной и русской церкви
в области отношения к древностям, к куль-
туре прошлого. Явных причин у этого, по-
жалуй, нет, можно лишь заметить, что когда
начинали строиться храмы на Западе, это
происходило на месте совершения какого-
то акта мученичества или важных церков-
ных событий, причем точка была, как пра-
вило, отмечена остатками монументальных
сооружений — ведь города Европы постро-
ены из камня. На этих местах иногда стояли
уже античные храмы. Когда в IX столетии (не
говоря о более поздних временах) начинали
строить новый храм, сохранились остатки
старого, и появлялась дополнительная воз-
можность апеллировать к мощам мучеников.
А в России храмы обычно строили на пустом
до этого месте — ведь под нашими городами
отсутствует более ранний (античный или
вообще древний) слой с монументальными
постройками.

**Но крипты европейских церквей,
по моим представлениям, прямой аналог
будущего музея.**
Конечно. При том, что на Западе крипты
не возникали как род музеев — тут ближе
образ ризницы, святого места, хранилища
святых вещей. Хотя... На Западе всякий храм
есть род музея, и отчасти это было верно
и для России. То, что сделано в Зачатьев-
ском монастыре, — нечто среднее между
исторической ризницей (сокровищницей,
сакристией) и криптой, но устроенной
по правилам современного музея.

**К какому времени относится самый ста-
рый храм, стоявший на этом месте?**
К концу XIV — началу XV века. Он был де-
ревянный и до нас не дошел, за исключением
нескольких фрагментов внутреннего оформ-
ления. Сохранились куски пола и обгoreв-
шей глиняной обмазки — возможно, отопи-
тельной системы. А дальше мы встречаемся
с церковью уже XVI века. Самое раннее, что
мы нашли, — трапезная первой половины
XVI столетия, большая, с заглубленным под-
клетом. Но обнаружили мы ее после того,
как был сооружен новый фундамент, и она
оказалась за пределами соборного комплек-
са, между нынешним собором и церковью
Сошествия Святого Духа. Трапезную не уда-
лось пока открыть для музейного показа,
но ее остатки хорошо сохранились, и вполне
возможно, в будущем их можно будет ис-
пользовать как объект музейного показа.
Есть и другие интересные участки XVI века.

**Один из соборов на территории Зача-
тьевского монастыря строил Матвей
Казakov, сохранилось ли что-нибудь
от него?**
Конечно, он был последним на этом
месте. Где-то в начале 1760-х годов нача-
лась перестройка соборного комплекса, и
шла она до наполеоновского нашествия
и даже немного после войны. И не только
Казakov — разные авторы работали здесь
в течение как минимум 50 лет. Технически
этот собор был очень хорошо построен,
у него сложная система заливных мощных
фундаментов, с кирпичными цоколями, тоже

довольно изощренными, и все это будет
доступно глазу. Потрогать можно будет;
понять, как все строилось. Архитектур-
ная реликвия должна дарить и тактильные
ощущения.

**Правильно ли я понимаю, что остатки
старых фундаментов и образуют стены
музея?**
Не стены, но архитектурные остатки есть
во всех помещениях. В музее существует
центральный зал и примыкающие к нему
с юга, запада и севера пространства, каждое
из которых несет свою функцию. Напри-
мер, есть галерея с арками, напоминающая
о христианских катакомбах, которая тянется
вдоль южного фасада. Белокаменные над-
гробия в ее нишах (их собрано около полу-
тора сотен) образуют своего рода музей
в музее и демонстрируют развитие русской
надгробной плиты, ее украшения и надпи-
сей, начиная с эпохи митрополита Алексия
Московского Чудотворца и князя Дмитрия
Донского и заканчивая временем царей
Алексея Михайловича и Феодора Алексе-
евича. На этих плитах — вся история мона-
хинь, прихожан, благодетелей. Женских
могил — вторе больше. Много семейных
надгробий — Болотниковы, Воронцовы, Го-
ловкины, Кощеевы, Усольчиков... Этим имен
нет в письменных источниках, касающихся
монастыря, и без раскопок о них бы никто
не узнал. Более того: не найди мы эти плиты,
невозможно было бы доказать существова-
ние на этом самом месте ранней обители.

**И у вас получилось восстановить ран-
нюю, до XVI века, историю монастыря?**
Да, несмотря на плохую сохранность
монастырского слоя. В Зачатьевском мона-
стыре, единственном пока из всех на Руси,
удалось археологически изучить застройку
«деревянного периода», когда каменных
храмов в нем еще не было или они только
появлялись. Оказывалось, что в XIV–XVI ве-
ках кельи стояли в монастыре длинными
ровными рядами, и когда приходил срок,
их оставляли и переходили в новопостро-
енный ряд келий, тянувшийся вдоль мона-
стырской площади согласно сторонам света
(так же ориентирован и собор). Конечно,
от старых келий ничего не оставалось,
но сохранились следы их подвалов в виде
темных пятен, заметных в светлом песке
берега Москвы-реки, которая совсем рядом.
Если подвал оставлен, в нем уже ничего
не найти — но если келья сгорит при пожаре,
то все останется на месте, укрытое грудой
углей. В древности монастырь горел неод-
нократно, и сосуды, выставленные в витри-
нах, — как раз из сгоревших келий.

Вам удалось восстановить картину быта?
Мы даже можем понять, что имела в ку-
хонном обиходе каждая инокиня: четыре-
шесть огромных кувшинов (до 25 л) из тон-
чайшей белой глины, три-четыре столовых
кувшина из красной глины, украшенных
лощением, одну-две керамические бутылки-
кубышки с тонким горлышком, для масла
и меда, совсем маленькие кувшинчики, рас-
писанные жидкой белой глиной. Одну из та-
ких келий мы постарались воссоздать в осо-
бой палатке к западу от Казанской церкви.
Палатка напоминает о Святых преподобных
Иулиании и Евпраксии, основательницах
монастыря, и поставлена на месте, где,
по преданию, они были похоронены.

**Представляли ли вы себе когда-нибудь,
что такие раскопки вообще состоятся?**
Мы никак не могли на это рассчитывать.
В середине 1990-х я впервые опубликовал
книгу об археологии московских монасты-
рей и в ней составил план необходимых
мероприятий и перечислил задачи, которые
стоят перед исследователями древнейших
монастырей. Но на месте Зачатьевского мо-
настыря еще стояла школа, в ней еще учились
дети, и надежд на раскопки не было никаких.

**Но монастырь вернули церкви, школу
разобрали. И монастырь ваши изыскания
поддержал.**
И это была еще одна неожиданность,
если хотите, маленькое чудо: монастырь
не просто нас поддержал, но в течение мно-
гих лет терпеливо, с интересом и понимани-
ем обеспечивал возможность работы нашей
группы на этом памятнике. Не будь у сестер
и настоятельницы монастыря, игуменьи
Иулиании, в этом внутренней потребно-
сти — не сложились бы никаких возможно-
стей для научной работы.

**Уникальный случай сотрудничества ар-
хеологов с церковью.**
Да, и он показывает, что возможны раз-
ные формы сотрудничества с церковью.
**Как по-вашему, могут ли возникнуть
подобные музеи под другими церквями
и монастырями Москвы?**
Мне кажется, да. Традиция сохранения
и почитания древностей, существующая
в западной архитектуре, знакома и нам,
и она очень правильная. Она много дает са-
мой церкви — это же ее собственные святы-
ни. Именно поэтому еще не оформленный,
едва намеченный зал подземного музея стал
так привлекать паломников — они почув-
ствовали подлинность сокровища. И это
еще одна причина, по которой на месте
старого собора нельзя было построить его
точную копию по старым планам: остат-
ки прежних зданий уже «вышли из земли»
и вызывают искреннее умиление паломни-
ков своей подлинностью и древностью.

**Вы планируете работы еще в каких-то
московских монастырях?**
Мы постоянно ведем работы в разных
монастырях, где-то ведь всегда возникает
потребность — в Даниловом монастыре, на-
пример. Вообще церкви необходимо повер-
нуться лицом к археологии. Не делая этого,
она теряет свое прошлое, гибнут памятни-
ки. Если кто-то в церкви считает, что им это
не нужно, — это страшная дыра в церковном
сознании. Рано или поздно это подорвет
корни самой церкви. А если нужно, значит,
этим надо серьезно заниматься. И я не вижу
беды в том, чтобы копировать западный
опыт. Еще в XVI веке в Италии появилась
церковная археология, и к XX веку возик
Папский археологический институт и го-
товятся специалисты — конечно, идеологи-
чески ориентированные (так будет всегда
и везде, где существуют идеологические
науки), но очень профессиональные. С ними
можно иметь дело и разговаривать на обще-
научном языке. Такие специалисты нужны
и нам. И они существовали в России.

До 1917-го?
Да, постепенно шло формирование
этого слоя — церковных археологов, кото-
рые учились у светских археологов, а свет-
ские археологи чему-то учились у них, шла
совместная работа. И было бы правильно,
если бы сегодня возникло подразделение,
специализирующееся на христианской
археологии. Очевидно, что на территориях
церковных памятников должно идти форми-
рование новых музеев — церковных.

Мне не известно сегодня ни одного па-
мятника в городе — ни церковного, ни свет-
ского, на котором систематические работы
непрерывно велись бы в течение вось-
ми лет, чтобы их осуществляла одна и та
же команда, постепенно совершенствуя
методы исследования, поднимая письмен-
ные и иные источники. Отчасти со стороны
монастыря это были даже казанные работы:
он обеспечивал рабочих, воду, тепло, вре-
мя, которое дорого стоит... В Москве такой
практики не было никогда. Может быть, это
и жертва со стороны церкви, но это и очень
выгодное вложение усилий — и в духовном
смысле, и в практическом. Это привлечет
к ней многие сердца. 🇷🇺

Колокольня
Собора,
1920-е годы

© Музей архитектуры им. А.В. Щусева

Евпраксия Иулиан

Николай Крменев и Стас Орлов

Надвратная
церковь Спаса
Нерукотворно-
го, 1920-е годы

Современный
вид надвратной
церкви

Кувшин

Умывальник

Крест-мощевик

Медная иконка

Кувшины

© Музей архитектуры им. А.В. Щусева

Ольга Глазунова

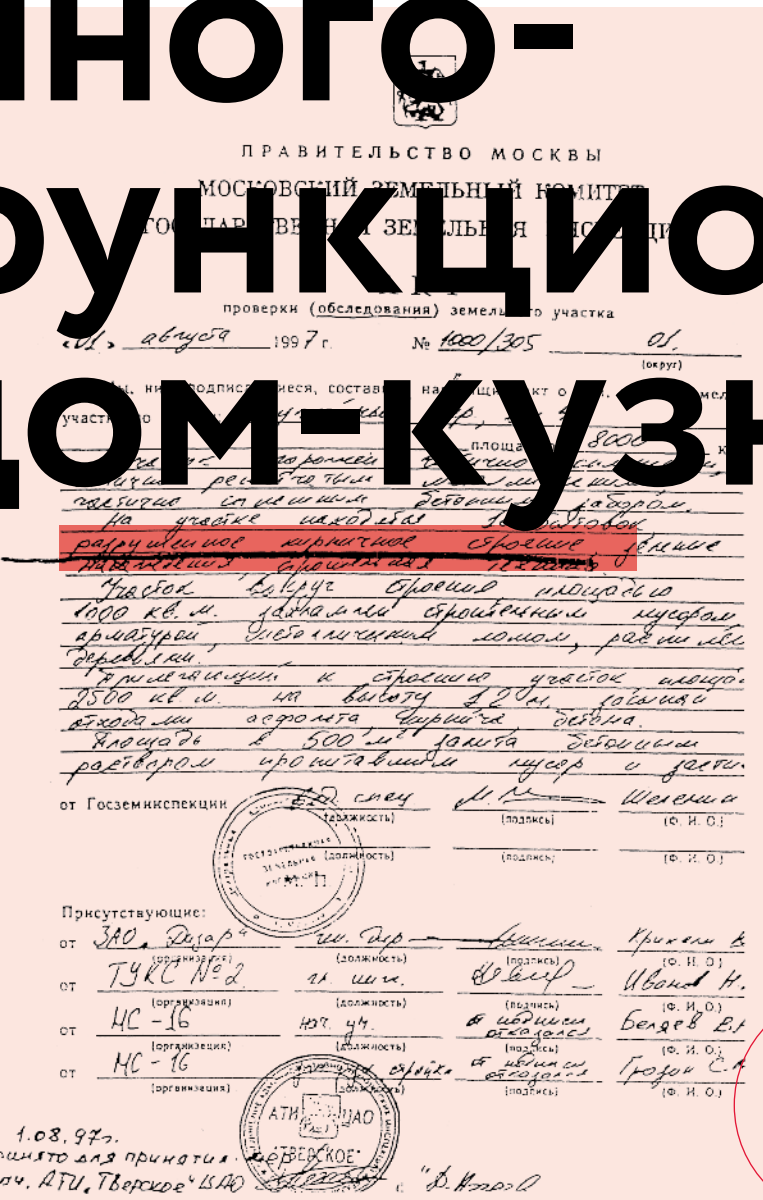
Ольга Глазунова

Ада Беляева

Ада Беляева

Ольга Глазунова

многэтажный много- функциональный дом-кузница

Акты осмотра памятника сообщают о его неудовлетворительном состоянии. На момент осмотра собственник — ЗАО «Дизар»

1

2

Лаконичность архитектуры кузницы сослужила ей плохую службу

< >

водственных надобностей: на центральной оси торцевых фасадов он открывался в обе стороны широкими арками, впоследствии заложенными и переделанными в окна. Еще один проем соединял этаж пристройки с восточным помещением кузницы. Декоративное решение фасадов здания ограничивалось простым кирпичным карнизом. У некоторых окон верхнего этажа сохранились белокаменные подоконные доски.

Газета «Коммерсантъ», №192 (3768), 19.10.2007, «М.О.Р.Е.-Плаза» гонит волну»

В распоряжении Б оказалось письмо ЗАО «Дизар», в котором гендиректор Шалва Крихели обвиняет компанию «Софицентр» (среди учредителей — совладелец девелоперской «М.О.Р.Е.-Плаза» Михаил Хесин) в попытках рейдерского захвата принадлежащего ему на правах аренды участка в Оружейном переулке, вл. 45. Участок площадью 0,78 га «Дизар» полу-

ДКН

чил в 1995 году от Московского земельного комитета (сейчас — департамент земельных ресурсов), заплатив за права долгосрочной аренды \$3,5 млн. Компания планировала построить там 40-этажный комплекс площадью 140 тыс. кв. м. Инвестиции старший вице-президент Knight Frank Андрей За-кревский оценил в \$320 млн.

Господин Крихели утверждает, что в 2004 году «Софицентр» заключил с агентством по управлению и использованию памятников истории и культуры договор аренды здания по адресу Оружейный переулок, д. 43–45, строение 6–7. По условиям договора, «Софицентр» должен был восстановить находившийся там дом-кузницу XVIII–XIX века, который агентство признало памятником федерального значения. А в октябре 2006 года объект был снесен. «Когда мы получили этот участок, от дома-кузницы оставалось одна стена, степень изношенности объекта превышает 90%», — объяснил Шалва Крихели.

Акт
Осмотр памятника архитектуры
«Дом — кузница 18-19 вв.», по адресу:
Оружейный пер., 43-45 стр.

Двухэтажное кирпичное здание по адресу Оружейный пер., д. 43-45 стр. 7 имеет два основных строительных периода. Первый этаж (собственно кузница) относится к концу 18 века. В второй этаж 19 в. здание надстроено вторым этажом, в котором в настоящее время находится галерея. В начале 20-го века к зданию был пристроен третий этаж, который был одноэтажным, но в результате реконструкции 1999 г. он был переделан в двухэтажный и сейчас имеет два этажа с балконами, который был перекрыт балочными перекрытиями. С конца 1990-х гг. здание не используется и находится в аварийном состоянии.

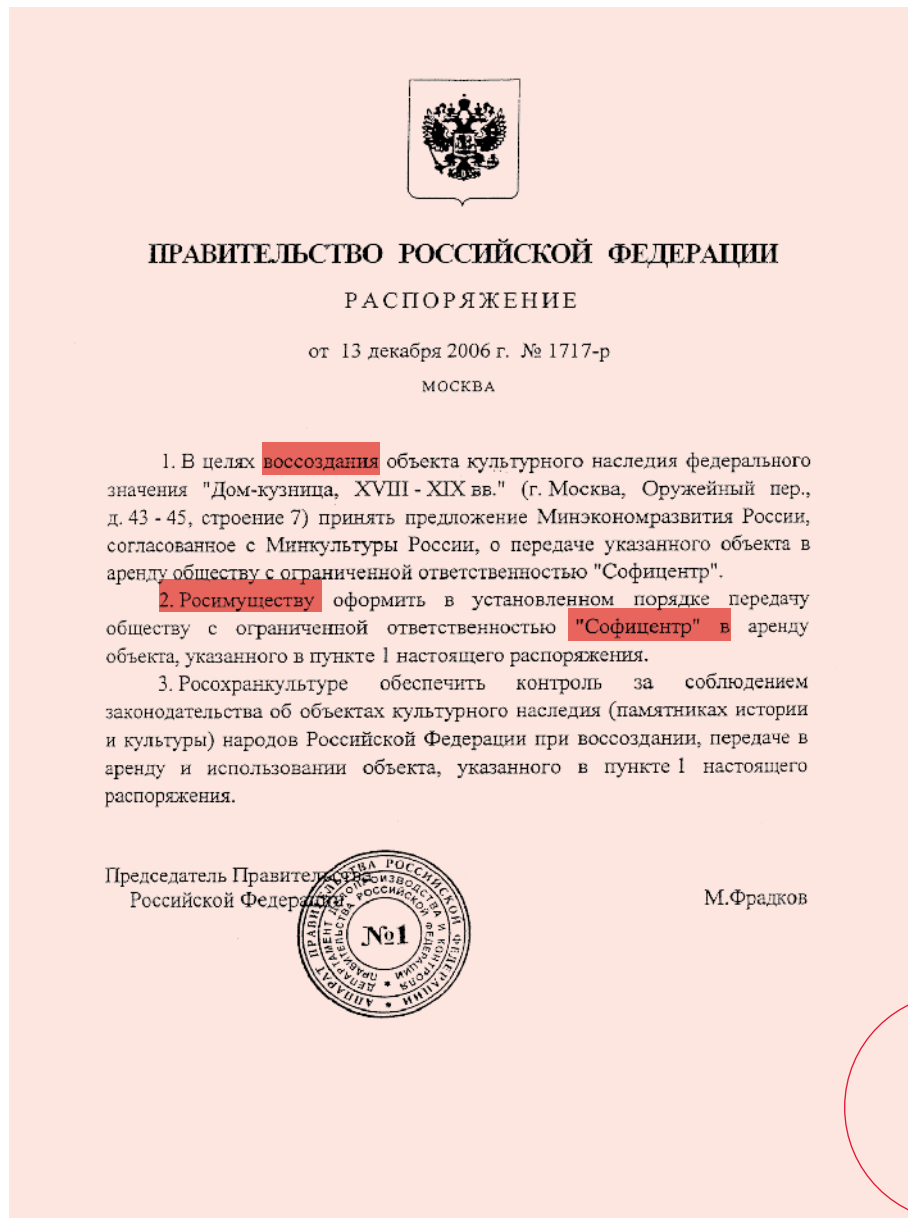
Мы, нижеподписавшиеся, произвели осмотр памятника и установили следующее. В настоящее время здание находится в крайне неудовлетворительном, местами аварийном состоянии: западный торцевой памятник а также значительные прилегающие части южной и северной стен разрушены при новом строительстве в 1999 г., о чем составлен соответствующий Акт. Перекрытия и крыша обрушены внутри здания. Большая часть наружных стен разрушена (сохранившиеся фрагменты утратили свою несущую способность). Сохранившиеся части конструкций и в результате атмосферных воздействий в значительной степени утратили свою несущую способность. Так, кладка верхней части стен второго этажа разрушена на 6-8 рядов. Кирпич размокро, раствор полностью потерял несущую способность. Стены второго (надстроенного) этажа в целом находятся в неудовлетворительном состоянии и рекомендованы к разборке с последующим воссозданием для уменьшения нагрузки на древнюю северную часть памятника. Состояние сводов крайне неудовлетворительно: кирпич размокро, раствор потерял значительную часть несущей способности, кладка напущена водой. Наблюдается значительное прижимание сводов. Металлические связи разрушены.

Вертикальная планировка изменена, (здание частично засыпано) в результате разравнивания грунта от близлежащей стройки. В результате происходит намокание стен и фундамента.

Конструктивный остов здания находится в крайне аварийном состоянии и требует немедленного принятия мер для предотвращения полной утраты здания. Предлагается необходимым срочно провести следующие мероприятия:

очистку здания от обрушившихся конструкций и мусора, вывоз грунта

Выполнения комплексного инженерного обследования и проектно-исследовательских работ.

Передача памятника от одного собственника другому на его судьбу никак не повлияла. Последняя стена обрушилась в 2006 году

<

3

4

Коммерсантъ | 10.09.2011

77030200670 Решением Арбитражного суда города Москвы от 24.05.2011 г. по делу А40-82154/10-38-3885 ООО «СОФИЦЕНТР» (119285, г. Москва, Воробьевское ш., 4, ОГРН 1037729000627, ИНН 7729422677) признано несостоятельным (банкротом), открыто конкурсное производство. Конкурсным управляющим утвержден Дегтярев Андрей Николаевич (ИНН 362003289380, СНИЛС 074-304-797-63, 394063, г. Воронеж-63, а/я34), член НП «СРО «СЦЭ-АУ» (150000, г. Ярославль, а/я 1085, ИНН 5406245522 ОГРН 1035402470036). Реестр требований кредиторов подлежит закрытию по истечении двух месяцев с даты опубликования объявления.

Разрешением на воссоздание памятника пока никто не воспользовался

<

5

Дом-кузницу можно было с легкостью приспособить под современные задачи

ДКН

Мэру Москвы
Ю.М. Лужкову

на № 4-19-9728/6, 6-5
35-08-426/2 - в 117 от 12.08.07

Уважаемый Юрий Михайлович!

В соответствии с Вашим поручением о реализации инвестиционного проекта строительства административно-гостиничного комплекса по адресу: Оружейный пер., 45 сообщаяю.

На основании постановления Правительства Москвы от 13.06.95 № 531 ЗАО «Дизар» оформлен договор аренды земельного участка по Оружейному пер., вл. 45 площадью 0,7864 га от 29.06.95 № М-01-002613 сроком на 49 лет для строительства административного комплекса.

Постановлением Правительства Москвы от 17.04.01 № 388-ПП внесены изменения в постановление Правительства Москвы от 13.06.95 № 531 в части установления сроков строительства административно-гостиничного комплекса и реставрации памятника «Дом-кузница XVIII-XIX вв.».

Вышеуказанным постановлением предусмотрено реставрация памятника архитектуры «Дом-кузница XVIII-XIX вв.», стр. 7, расположенного в границах территории, оформленной ЗАО «Дизар» по договору аренды земли.

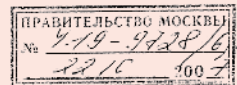
По информации Департамента земельных ресурсов, в соответствии с решением Арбитражного суда г. Москвы от 22.12.04 договор аренды от 29.06.95 № М-01-002613 признан недействительным в части площади, занимаемой строениями 6 и 7 по Оружейному пер., вл. 43-45. Постановлением апелляционной инстанции от 11.10.06 оставлено в силе решение первой инстанции от 22.12.04 о признании недействительным договора аренды в части указанных строений.

ЗАО «Дизар» подана жалоба о пересмотре данного судебного решения в Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в порядке надзора.

Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации ЗАО «Дизар» отказано в передаче дела для рассмотрения судебного акта в порядке надзора.

Одновременно информирую, что согласно распоряжению Правительства Российской Федерации от 13.12.06 № 1717-р, в целях воссоздания объекта культурного наследия федерального значения «Дом-кузница XVIII-XIX вв.» принято решение о передаче указанного объекта в аренду ООО «Софицентр».

Во исполнение распоряжения Правительства Российской Федерации от 13.12.06 № 1717-р Федеральным агентством по управлению федеральным

Дом-кузница
скрывался
в глубине
квартала

ДКН

бассейн вертикальных связей

Церковь
Николая
Чудотворца
в Хамовниках

Шефский дом

текст **Владимира Седова**,
фотографии **круговая панорама Москвы, сделанная фотографической фирмой «Шерер и Набголец» с храма Христа Спасителя в 1867 году;**
современная панорама Москвы, сделанная с той же точки в 2009 году. Все материалы предоставлены **фондом «Московское время»**

В бассейне не должно быть пусто. Связей должно быть много. Но москвичи постепенно привыкают к исчезновению связей. В результате мало кто может описать волшебную панораму с десятками значимых точек, вертикалей башен и церквей и пятен скверов и садов. Но такая панорама у Москвы была. В нашем распоряжении имеется панорама города, снятая в 1867 году с купола храма Христа Спасителя (опубликована она была в 1886 году). Из этой круговой панорамы, по-настоящему сказочной, мы выбрали

сектор с видом на Воробьевы горы вдаль и район Остоженки внизу, вблизи. И сравнили с современной панорамой с того же храма. Получилось сравнение, не предназначенное для слабонервных (их просят прекратить чтение). За прошедшие полтора века почти все объекты исчезли, а если и не исчезли, то заслонены другими объектами. Панорама изменилась радикально. Опорной базой служат пока еще Воробьевы горы, они высокие. Изгиб Москвы-реки почти не виден. Можно найти пару церквей (Ильи

Обыденного стоит на месте, Зачатьевский монастырь сохранил свое место, но на месте собора Казакова строится новый собор), колокольню Новодевичьего монастыря, еле угадывается один особняк и Андреевский монастырь на склоне Воробьевых гор. Все остальное исчезло. Без надежды на возвращение. Бассейн визуальных связей, о котором так часто говорили защитники старой Москвы и архитекторы, полностью сменил воду. 🌊

утраченные «вертикальные акценты» (памятники сохранились)

- 1
Церковь
Николая
Чудотворца
в Хамовниках
- 2
Шефский
дом
- 3
Хамовнический
полицейский
дом
- 4
Провиантские
магазины
- 5
Дом
Тургеневых

- 6
Церковь
Троицы
на Воробьевых
горах

Провиантские
магазины

Дом
Тургеневых

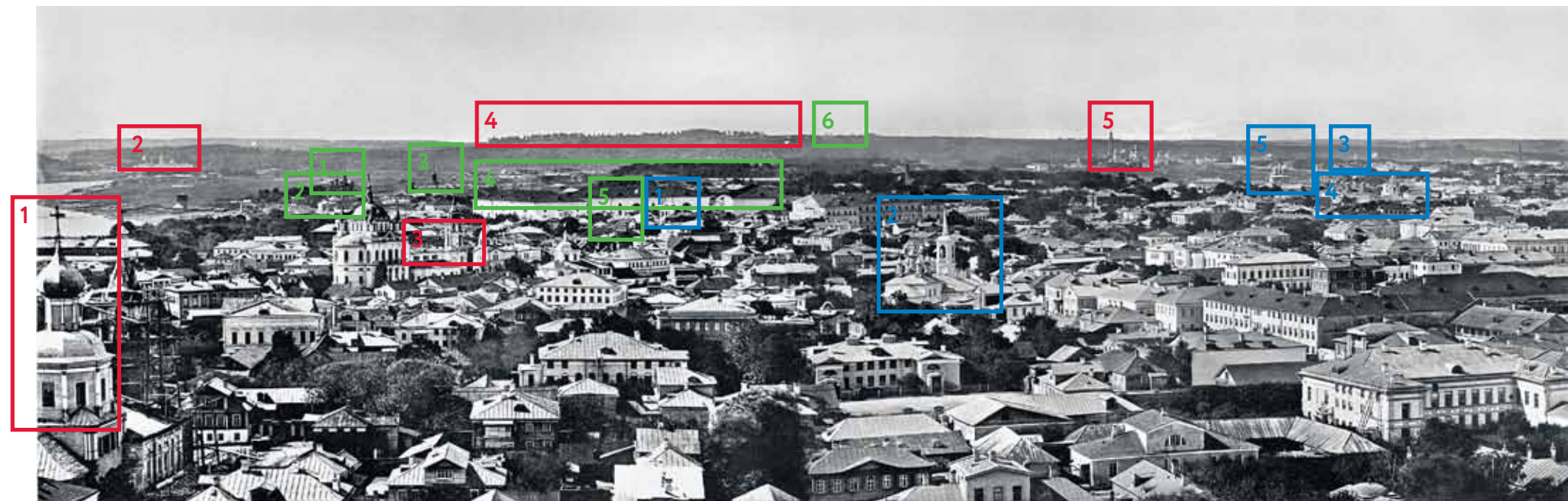
Церковь
Успения
на Остоженке

Церковь
Воскресения
на Остоженке

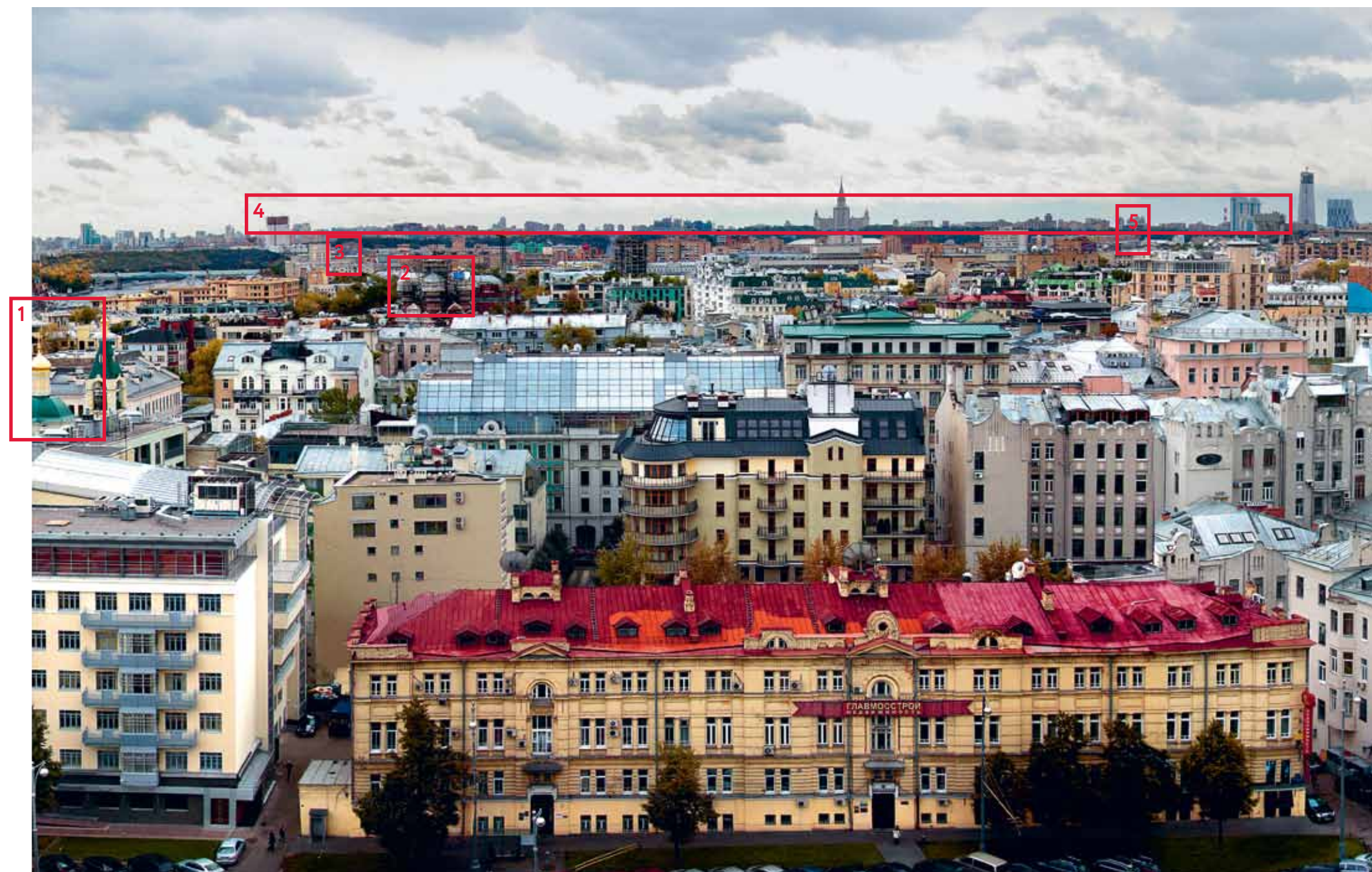
утраченные памятники

- 1
Церковь
Успения
на Остоженке
- 2
Церковь
Воскресения
на Остоженке
- 3
Церковь
Саввы
Освященного
- 4
Церковь
Троицы
в Зубове
- 5
Знаменская
церковь
в Зубове

сохранившиеся «вертикальные акценты»

- 1
Церковь Ильи
Обыденного
- 2
Андреевский
монастырь
- 3
Место
Зачатьевского
монастыря
- 4
Воробьевы
горы
- 5
Колокольня
Новодевичьего
монастыря

советская идеология сохранения наследия — как она работает сегодня

текст **Ефима Фрейдина**

Исследование советской идеологии сохранения наследия и оценки ее современного состояния было нацелено и на предложение решений в современной ситуации.

Предмет исследования — не официальная советская идеология, а фактически сложившаяся в силу различных обстоятельств практика, продолжившаяся и после перестройки. Генетический код идеологии сохранения наследия формировался в противоречивых условиях. Его элементами являются брошенные и забытые памятники времени в качестве предмета охраны, закрытое сообщество хранителей, резкое противостояние между чиновниками, прочими разрушителями и «населением», повышенный эмоциональный градус у защитников наследия, общественная поддержка как часть госструктуры, государство как единственный модератор процесса сохранения, целостная реставрация как предпочтительный метод, появление в списках наследия «обитаемых памятников» и неготовность с ними работать.

Одним из выводов исследования стала необходимость фигуры «медиатора», который управляет взаимодействием развития и сохранения. Цикл общественных дискуссий «Хранители», который осуществляют институт «Стрелка» и Мосгорнаследие, формирует среду, в которой такой специалист может появиться.

Сохранение vs развитие и новое строительство

Официальная система сохранения наследия в советской России была сформирована на дореволюционной базе: ее идеологи составляли самостоятельную школу реставрации и музейного дела, которая соответствовала европейскому уровню. Система создавалась как реакция на угрозу физического разрушения архитектурного наследия: в первые годы Советов дворцы, усадьбы, монастыри, взятые позднее под защиту, начали терять свои функции и значение. С другой стороны, была угроза расхищения художественных ценностей.

Принятый декрет о памятниках (1918 год) призывал к национализации наследия. Созданная система учета и охраны включала государственный уровень (Музейный отдел Главнауки Наркомпроса, Центральные государственные реставрационные мастерские того же комиссариата), региональный уровень в виде губернских музеев и общественную поддержку в форме дореволюционных сообществ

(например, «Старая Москва»), отделений Бюро краеведения. Ее деятельность была успешной: велся учет, реставрация, консервация памятников на всей территории России. В середине 1920-х конструктивисты фрагментарно вторгались в историческую ткань, перестраивая здания для новейших функций, что диктовал процесс урбанизации.

В начале 1930-х годов эта система сохранения наследия была фактически демонтирована, реставрационные мастерские закрыты. Планы социалистической реконструкции демонстрировали совмещение объектов деятельности по сохранению и развитию в исторических центрах городов. Памятники прошлого стали конкурировать с не построенными еще памятниками новой эпохи.

Произошли изменения в системе принятия решений. Если в конце 1920-х подчинение Мавзолея композиции Красной площади зависело от архитектора Щусева, то к 1930-му реальность зависела от воли, высказанной в кабинете власти. Ни газетная дискуссия, ни конкурс проектов не спасли Сухареву башню в Москве. Лишь личная защита, согласно одной из легенд цеха хранителей, архитектором П. Д. Барановским¹ собора Василия Блаженного позволила убедить правителей в его ценности.

Реестр из 8000 памятников, успешно сформированный музейным отделом к концу 1920-х годов, потерял в 1930-м 75% пунктов списка, что отражало в первую очередь отношение государственной системы к историческому наследию. Конфликт старого и нового разрешался одинаково в пространстве и в социальной среде — через механизм репрессий.

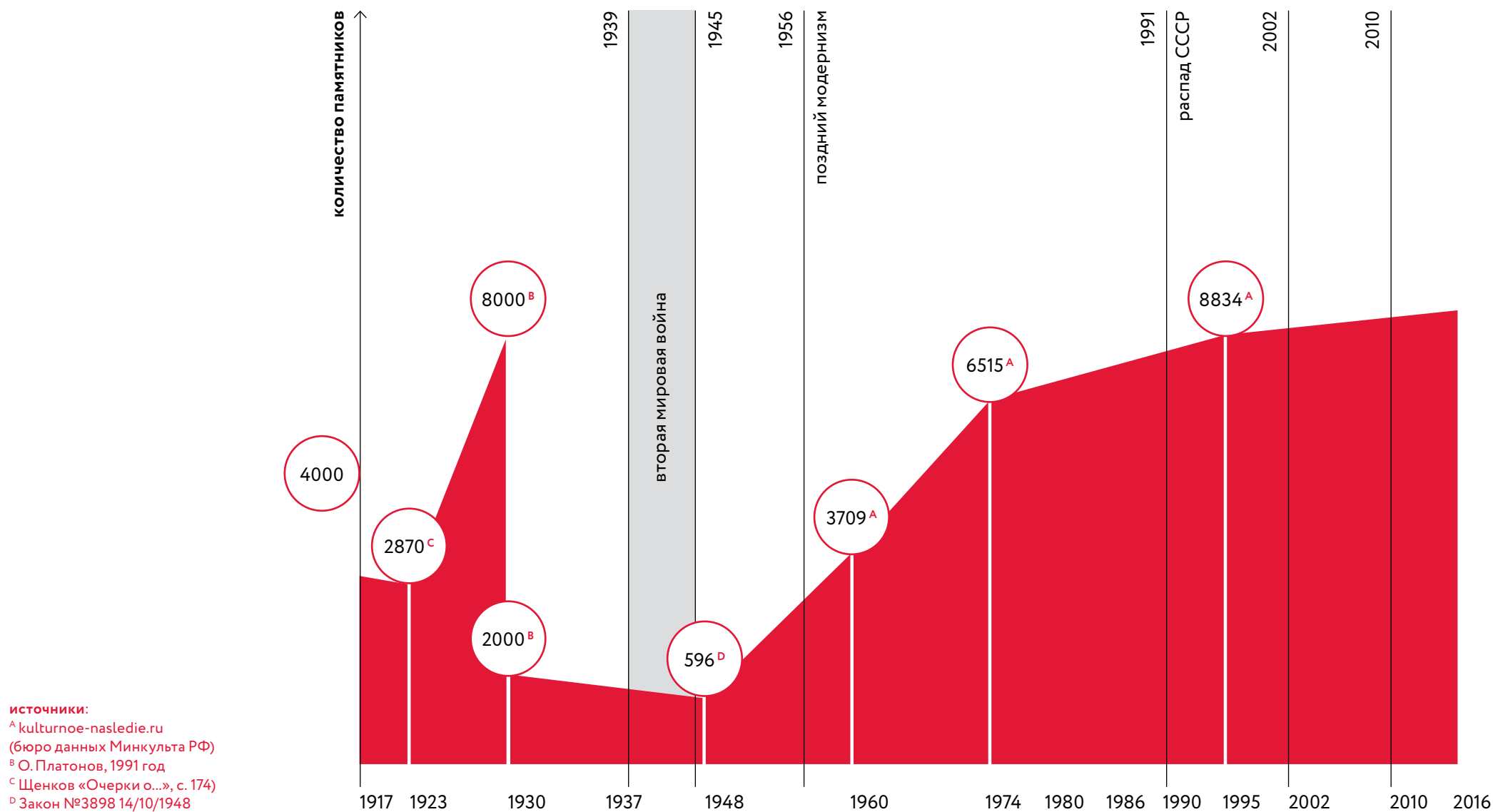
Послевоенный период показал, что конструктивисты, которые были лишены собственного варианта будущего в 1930-е, приходят к позиции хранителей. Показательна судьба Георгия Крутикова, который в середине 1930-х сменил успешную архитектурную практику, начатую авангардистским дипломным проектом «Города будущего», постройками школ и других зданий, на хранительскую оппозицию авторам генерального плана 1935 года, а впоследствии стал главным инспектором по охране памятников в Москве.

Во время Великой Отечественной войны практически осуществлялась угроза уничтожения наследия. Отчасти это привело к совпадению интересов реставраторов и прогрессивно настроенных властей — как только враг отступал, разрабатывались проекты реконструкции разрушенного.

Это исследование — одна из работ студии «Сохранение» Института медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка». Директор темы — Рэм Колхас (партнер голландского архитектурного бюро ОМА), супервайзеры — Анастасия Смирнова (журналист, дизайнер, исследователь, сооснователь SVESMI) и Никита Токарев (архитектор, директор бюро ПАНАКОМ).

В 2010 году стартовал первый цикл обучения в институте «Стрелка», среди пяти исследовательских тем которого было заявлено «Сохранение». В рамках студии рассматривались такие аспекты сохранения культурного наследия, как экономика, идеология сохранения, проектный подход, нематериальное наследие. В течение полугода были выполнены исследования «Всемирное наследие как экономическая ценность» (Денис Леонтьев), «Потенциал российского наследия» (Анна Шевченко), «Старение современной архитектуры: эра Лужкова» (Даша Парамонова), «Дворцы пионеров» (Ольга Хохлова), «Беляево навсегда» (Куба Снопек), «(Пере)осмысление русского авангарда» (Тамара Мурадова), «Советская идеология сохранения. Как она работает сегодня?» (Ефим Фрейдин). Хронологически они охватывают всю историю послереволюционной российской архитектуры, предметно — значимые аспекты сферы охраны культурного и архитектурного наследия. Некоторые темы получили актуальность в процессе работы исследователей — в частности, прошлогодняя история с Дворцом пионеров.

Количество памятников, учтенных федеральными законами в 1918–2009 годах

Но если присмотреться к ним, то можно обнаружить территориальное разделение исторической и современной частей: Великий Новгород, Псков, даже Суздаль — тому примеры. Историческая часть консервировалась или реставрировалась согласно позиции школы 1930-х годов (отчасти романтическая интерпретация прошлого, реставрация на оптимальную эпоху, консервация, макетирование). Новые центры фрагментарно следовали сложившейся исторической структуре города. Местом решения конфликта опять становился стол архитектора.

В 1950-х вторая волна урбанизации, индустриальные проекты конфликтовали с процессом сохранения. За первые выступали прогрессивно настроенные власти, позиция второго удерживалась группой интеллигенции, которая находила отклик у некоторой критической массы граждан. При, например, заполнении водохранилищ наследие буквально стиралось с лица земли. Снос происходил кварталами и микрорайонами, которые замещались модернистской однородной средой, которая не примирялась с историческим — отживающим свой век — городом. Общественное движение, предвестниками которого стали статьи историков Д. С. Лихачева и Н. Н. Воронина в прессе, добровольческий клуб «Родина» при П. Д. Барановском, легализовалось в форме Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры. ВООПИК становится официальным посредником между сохранением и развитием и имеет право согласования генеральных планов городов. Конфликт разрешился на строительной площадке, в кабинетах и в генеральном плане в формах «зон сноса», территориального разделения старых и новых центров городов, точечного освоения исторических частей отдельными зданиями. «Защитными» были «зоны исторической застройки», «слободы», музеи под открытым небом, в которые свозили памятники архитектуры из зон затопления.

«Комплексная реконструкция» или «регенерации» исторических центров мирили застройку прошлого и интересы нового общества со второй половины 1970-х годов. Наиболее известными стали предложения для Арбата и Рождественки в Москве.

В 1974 году в списке памятников федерального значения отчетливо было представлено наследие первой волны советской урбанизации, которое в тот момент еще эксплуатировалось, и проекты регенерации реагировали на не-

обходимость сохранения «живого» памятника. Однако при их частичной реализации происходит фактически умерщвление городской ткани: жильцы выселяются, функции меняются и замещаются другими в ущерб эволюции среды. Следующим этапом стало макетирование городской среды, частично реализованное в кварталах московского района Остоженка.

Точкой совпадения интересов в 1990-х годах на антисоветской и в то же время националистической волне стали проекты воссоздания ранее утраченных построек, в основном культового назначения. Неоднозначная практика, начатая с восстановления Казанского собора на Красной площади, причем в том измененном облике, который был утрачен при сносе 1930-х годов после раскрытия древнерусского фасада под классицистическими наслонениями, продолжилась храмом Христа Спасителя, множеством крупных и малых объектов по всей России.

Сегодня

Современная система сохранения памятников архитектуры (сформированная в советский период) включает в себя частные, государственные, международные и общественные организации. Нет иллюзий, что она вновь вдруг станет единым управленческим органом. Государство ставит объекты на охрану, фактически ограничиваясь учетом, и многолетняя задержка в наполнении «нового» реестра памятников, сворачивание списка исторических поселений сигнализируют, что оно к этой сфере интерес потеряло, как минимум — как к статье расходов.

Собственники объектов соглашаются с тем, что есть определенные условия договора — историческая застройка расположена обычно в центральной части города, ее облик или другой «предмет охраны» является ценностью не только для хозяина, но и для прохожего. За первыми словами, составляющими заученные роли — защитников ли (о количестве памятников), застройщиков ли (о задачах в миллион квадратных метров) всегда есть второй слой. Он общий — это приятие того, что есть ценность и есть развитие. 🇷🇺

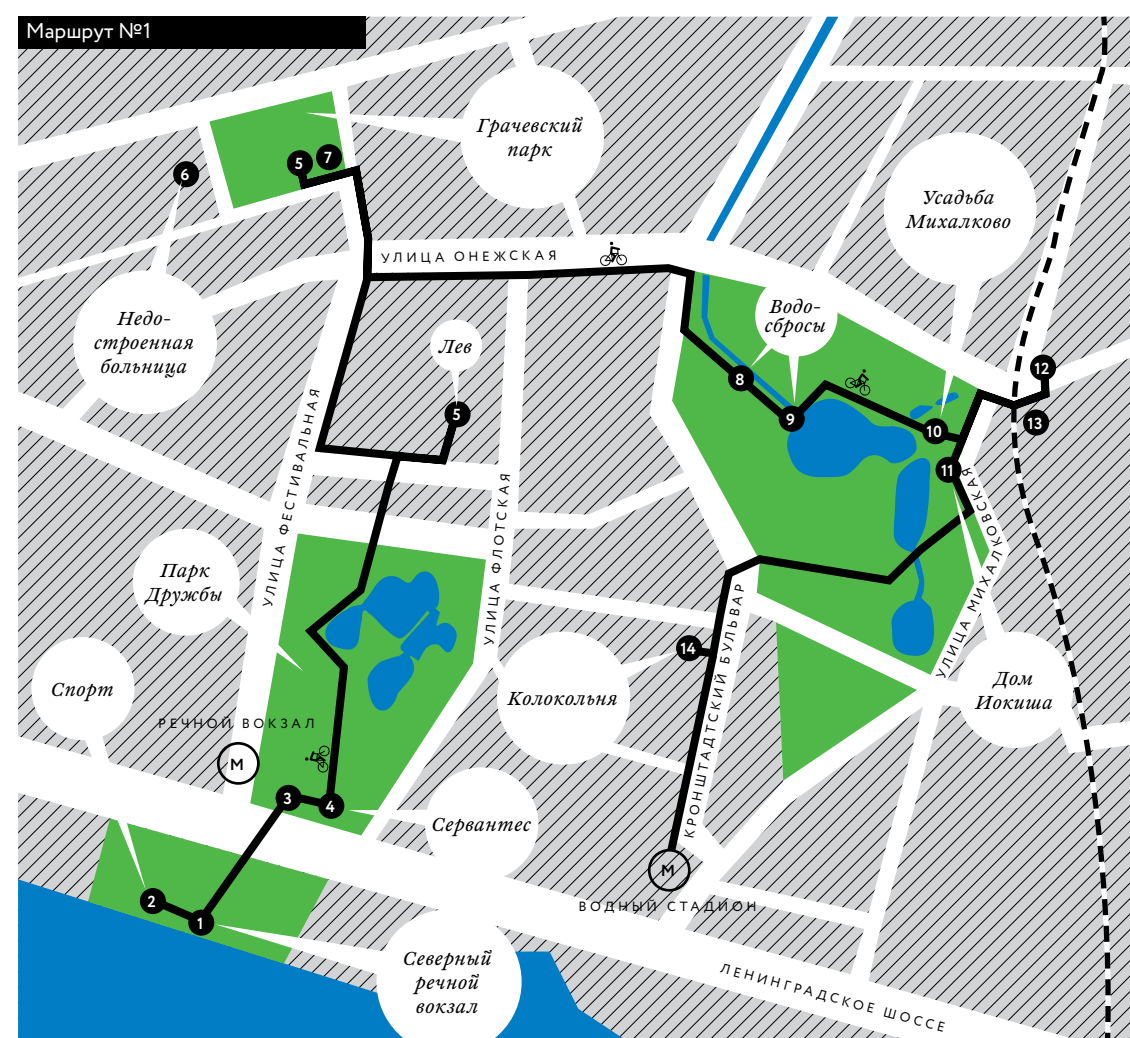
¹ Петр Барановский был репрессирован в 1933 году. Его взяли прямо на работе в Коломенском музее, директором которого он был, и выслали в Сибирь. Популярной версией причины ареста считается письмо Сталину в защиту храма Покрова на Рву (Василия Блаженного), который был назначен к сносу, а П. Д. Барановский, сотрудник Центральных реставрационных мастерских и Главнауки, приглашался для обмеров и документирования памятника

девушка, дедушка, лев

Маршрут №1
13 км

текст и графика Александра Васина

Северный речной вокзал — Парк Дружбы — Усадьба «Ховрино» — Грачевский парк — Головинские пруды — Усадьба «Михалково» — Поселок железнодорожников — Колокольня — Водный стадион

0 км

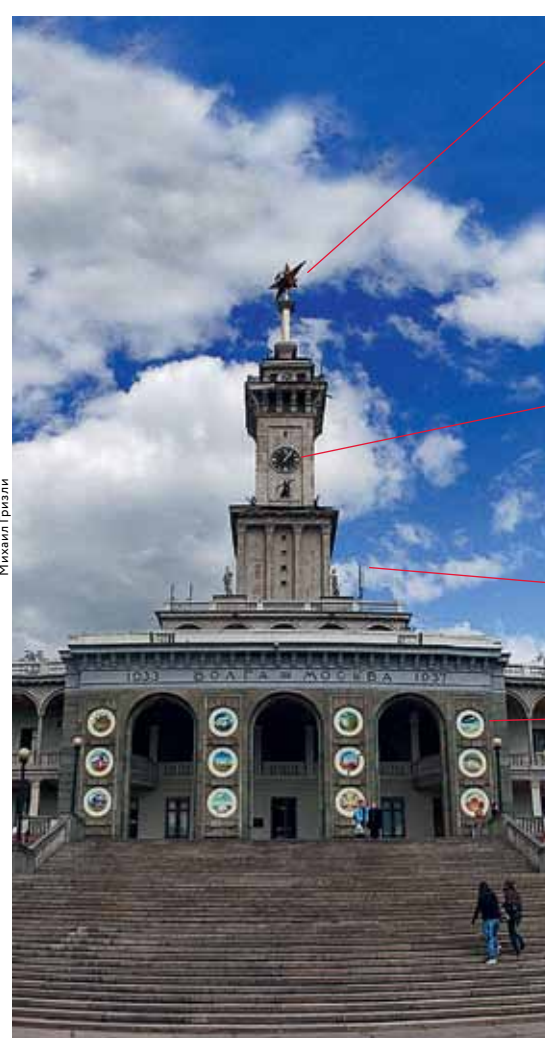
Путешествуя по городу на велосипеде, мы можем увидеть совсем иную Москву, чем пешеходы или автомобилисты. Уникальные памятники расположены не только в историческом центре города, часто они оказываются в совершенно неподходящих для этого местах, где об их существовании порой не знают даже местные жители. Наши маршруты, рассчитанные на велосипедистов-любителей, расскажут именно о такой Москве.

1 км

Наше путешествие начинается с северо-западных окраин Москвы. Теперь это Северный административный округ, а еще в 50-х годах никакой Москвы здесь не было и на месте станции метро «Речной вокзал» стояло село Аксинино. Если от метро мы перейдем на другую сторону Ленинград-

ского шоссе, то окажемся в парке Северного речного вокзала (ладшафтный архитектор Т. П. Шафранский), разбитого в 1937 году одновременно с открытием канала «Москва-Волга». Нас встречает гипсовая девушка с корабликом, а главная аллея парка приводит к зданию, напоминающему паромход. Это Северный речной вокзал, построенный в 1937 году архитектором А. М. Рухлядевым (Ленинградское ш., д. 51). Знаменитое здание, запечатленное в фильмах «Волга-Волга», «По семейным обстоятельствам» и других, ныне находится в аварийном состоянии. Фигуры рабочих и моряков осыпаются, а 24 эмалевых медальона, рассказывающие о достижениях советской промышленности, покрыты глубокими трещинами.

Прокатимся по дорожкам регулярно парка, осмотрим скульптурную группу «Спорт» (скульптор Л. Кардышев) и возвратимся к шоссе, на другой стороне которого находится парк Дружбы.

Эта звезда в 1935–1937 годах украшала Спасскую Московского Кремля. По первоначальному замыслу звезда должна подниматься каждую весну с началом навигации, но это давно уже не происходит

Часы, привезенные из Воскресенского собора г. Волоколамска, старше вокзала на 200 лет

Четыре скульптуры: колхозница, моряк, красноармеец, рабочий

На каждом фасаде расположено 12 эмалевых медальонов (скульптор И. С. Ефимов)

2 км

Парк Дружбы был открыт в 1957 году к Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Одновременно парк служит «задним двором» Москвы, куда свозят не очень нужные памятники, в разное время подаренные городу. Впрочем, кроме унылых Рабиндраната Тагора и богатыря Манаса, здесь есть прекрасный Сервантес (скульптор А. Сола) и две скульптурные композиции В. И. Мухиной, «Хлеб» и «Плодородие».

Парк расположен на месте песчаных карьеров, большая часть которых была превращена в пруды — ныне любимое место отдыха окрестных жителей. В парке есть Утиный остров, регбийное поле и аллея Алисы Селезневой — 25 рябин, посаженных в 2001 году поклонниками фильма «Гостья из будущего». Через парк мы двигаемся в сторону дворца спорта «Динамо», пересекаем улицы Лавочкина и Ляпидевского и по улице Фестивальная катимся к Грачевскому парку.

Скульптура «Водный путь» (Ю. А. Кун) Точно такая же девушка стоит у шлюза №5 в поселке Икша

5,5 км

В усадьбе «Ховрино» (Грачевке) — восемь серебряных львов. Но если мы не много отклонимся от маршрута и заедем во дворы между жилыми домами (ул. Ляпидевского, д. 6, к. 2), то встретим еще одного грачевского льва, только не серебряного, а золотого. В давние советские времена комсомольцы, заселенные в новые хрущевки, приволокли его сюда для украшения детской площадки. Лев много раз перекрашивался, были попытки его украсть, но уже пожилые комсомольцы его бдительно стерегут и на зиму укрывают целлофаном.

Усадьба «Ховрино» (ул. Клинская, д. 2) существует с XV века и за это время успела сменить полтора десятка владельцев. Последним из них был купец Митрофан Грачев, который и дал усадьбе свою фамилию.

Грачев страстно любил играть в рулетку. Возможно, поэтому главный дом усадьбы (арх. Г. А. Кайзер по проекту Л. Н. Кекушева) так напоминает казино в Монте-Карло?

После революции в доме располагались рабфак Сельскохозяйственной академии, санаторий, военный госпиталь и, наконец, больница восстановительного лечения, за

роге двумя шумящими водосбросами. Перед нами главный из прудов — Большой, за ним идут Малый и Верхний. Справа от прудов когда-то находилось село Головино, но мы объезжаем пруд слева, чтобы оказаться в усадьбе «Михалково».

9,5 км

В XVIII веке усадьба «Михалково» (ул. Михалковская, д. 38) принадлежала Екатерине Дашковой, изобретательнице буквы «Е» и директору Петербургской академии наук. Потом усадьба досталась Никите Панину, а затем его брату Петру Панину, покорителю Бендер и усмирителю Пугачевского бунта, которого Екатерина II называла «дерзким болтуном» и «персональным оскорбителем».

Авторство усадьбы приписывается В. И. Баженову. Модный во второй половине XVIII века псевдоготический стиль (в этом стиле выстроены в Москве Петровский путевой дворец и Царицыно, в Петербурге — Чесменский дворец), соответствовал честолюбивым стремлениям графа Панина сохранить потомству память о своей победе над турками и создать подобие «фамильного замка».

название «Тонкосуконная фабрика имени Петра Алексеева» (ул. Михалковская, д. 48), названная в честь знаменитого революционера.

Сейчас фабрика практически не функционирует, помещения сдаются под офисы. «Дом Июкиша» (11), выстроенный в 1870 году, служит общежитием, сквозь грязные окна которого еще видна лепнина на потолке.

10 км

Если подняться на мост, пересекающий Окружную железную дорогу, то с левой стороны можно увидеть поселок, построенный в начале XX века для железнодорожников (арх. А. Н. Померанцев). В поселок попасть не просто, но можно осмотреть «Дом с соевой» (12 (пр. Черепановых, д. 1), в котором еще недавно находилась детская поликлиника. С другой стороны моста виден дом культуры «Железнодорожник» (13) — желтоватое здание, выстроенное в 1907 году.

Возвращаемся к Головинским прудам, проезжаем через горбатый мостик, далее через парк, а потом по Кронштадтскому бульвару двигаемся в сторону станции метро «Водный стадион».

Золотой лев с улицы Ляпидевского

Звезда Речного вокзала была когда-то покрыта уральскими самоцветами, но их растащили сороки

Усадьба «Ховрино»

Михаил Грачев

Въездные ворота усадьбы «Михалково»

Дом «добраго дедушки» Июкиша

Колокольня Казанского Головинского монастыря

Казино в Монте-Карло (арх. Шарль Гарнье), по мотивам которого был построен главный дом усадьбы «Ховрино»

План усадьбы «Михалково»

12 км

Не доезжая одного километра до метро, нам стоит завернуть направо, во дворы (Кронштадтский б-р, д. 33), где прямо среди жилых девятиэтажек стоит чудом уцелевшая колокольня Казанского Головинского монастыря, возведенная в 1911 году (арх. А. А. Латков) (14). В 1920-х годах в монастыре было устроено общежитие для рабочих фабрики Петра Алексеева, а к концу 1970-х все здания уже были снесены.

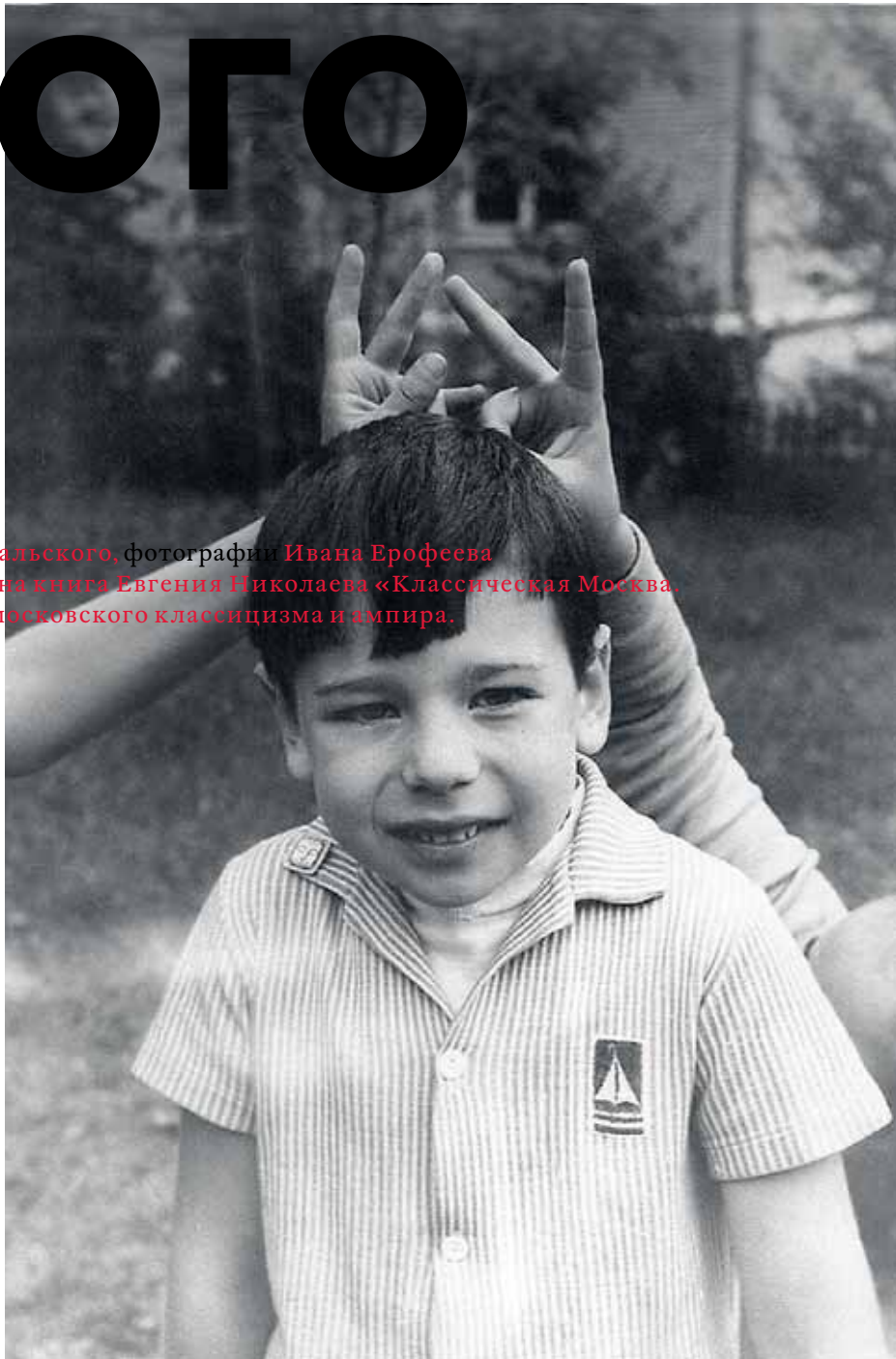
Путешествие можно завершить у станции метро «Водный стадион». Основная цель маршрута — рассмотреть уникальные памятники, которые в ближайшем будущем могут полностью исчезнуть.

«Дом с соевой» в поселке железнодорожников

и тапки большого пути

наблюдения Максима Ковальского, фотографии Ивана Ерофеева
При подготовке материалов использованы книги Евгения Николаева «Классическая Москва». Очерки архитектуры московского классицизма и ампира.

Получив от редакции задание пройти по Большой Никитской и Никитскому бульвару, а потом отчитаться о своих впечатлениях, я сразу сказал, что из этой затеи едва ли выйдет что-то путное. Когда мне было пять лет, я решил порадовать бабушку: продемонстрировать ей, какой я взрослый и самостоятельный. Она забрала меня из детского сада, мы шли рядом, а потом я юркнул в арку и добрался до дома сам, в частности перешел широкую улицу Дм. Ульянова по наземному переходу. Что было с бабушкой, можно, наверное, догадаться. Она металась, спрашивала у людей про бесхозного ребенка, искала размазанный трупик на проезжей части. Я стоял у дверей подъезда и удивлялся, почему бабушка так долго не идет. И все думал, как она будет восхищаться, что я сам нашел дорогу. Наконец она появилась, при виде меня прибавила шаг и на ходу занесла над головой сложенный зонтик. Не сраный пластмассовый складной, такие появились только во второй половине семидесятых под названием японские, а хороший длинный металлический в черно-зеленую клетку. Слава богу, из подъезда вышел Сергей Петрович, поняв, что готовится убийство ребенка, метнулся и принял удар на себя. И говорит: Ида Моисеевна, успокойтесь. И пошел дальше. А мы с бабушкой вошли в нашу однокомнатную квартиру, но дальше прихожей не продвинулись. Бабушка села на пол, я стоял прижавшись к входной двери. Она поднимала по очереди все тапки, туфли, ботинки и методично метала их в мои ноги, отлетевшие обратно снаряды поднимала и метала опять. И приговаривала свое любимое: чтоб ты сгорел, сволочь! холера тебе в живот! По детским ощущениям, это продолжалось очень долго. И было дополнительное гениальное: в прихожей стоял холодильник «Саратов» высотой не более метра, а над ним висело большое зеркало. Я вроде бы горько плакал, но одновременно видел плачущего себя со стороны, не как первое, а как третье лицо. И первого себя страшно жалко, потому что он такой несчастный: хотел похвал, а получает пенделей. А себя третьего не жалко совершенно: обычный плачущий ребенок, каких в детском саду полно. И я не мог оторваться от зеркала, потому что для меня было открытием, что я изнутри и я со стороны — это совершенно разные вещи. Большинство людей, насколько я могу судить, умудряются прожить жизнь и не понять этого. А я благодаря

Максим Ковальский, 5 лет

бабушке, которая чуть не захоронила меня под плитусом, понял уже в пять лет. Ночью бабушке вызывали скорую, а я с тех пор впадаю на улице в анабиоз, ничего не воспринимаю и не запоминаю. Дошел до какого-то помещения, выжил, не получил тапками — и слава богу.

Помню, классе в третьем учительница попросила поднять руки тех, кто был на Красной площади, а потом стыдила меня, что я единственный не поднял. А я не то что там не был. Я, может, и был, просто не мог вспомнить: никакая четкая картинка в памяти не всплывала. И до сих пор не всплывает. Если это там, где Царь-колокол, то определенно был. Или колокол в Кремле? Точно не помню. Точно помню конский навоз на брусчатке. Но это на Красной площади или на Дворцовой в Петербурге, куда меня уж сто процентов водили? Нет четкого ответа.

Несмотря на кашеобразное восприятие уличного пространства, я мужественно согласился пройти по Никитским. До Чайковского я доехал на такси. Он такой же, как Калинин и Пирогов, но за спиной консерватория. Улица гораздо уже, чем Ленинский проспект, на котором я прожил всю жизнь. И гораздо уже тротуар, так что идти надо почти вплотную к стене дома, отчего сразу становится не по себе. Как говорится в детских изданиях, «помоги мышке выбраться из лабиринта». Дальше ТАСС. Он ужасен настолько, что инстинктивно шарахаешься влево. Следующая неприятность — поворот на бульвар. Он под острым углом, а такого не должно быть. Единственное оправдание: повернув, не видишь ТАСС. Дальше просто идешь по бульвару, это уже не опасно. Кстати, выяснилась интересная вещь: если пройти бульвар до конца, вдруг оказываешься у подземного перехода, который ведет к зданию станции метро («Арбатская?»), а сразу за ним улица Знаменка, и уже можно ловить такси до дома — ехать по прямой.

Весь «никитский» маршрут, если не глазеть по сторонам и никуда не заходить, отнимет не более десяти минут. Людям, которых в детстве не отучили тапками от пеших прогулок, он, наверное, даже может доставить удовольствие. 🍷

Пятница: «Кофемания» или «Простые вещи» — «Маяк» — «Жан-Жак»

Большая Никитская от бульвара до Кремля существует с XIV века — одна из древнейших улиц Москвы. Улица выходила почти к стенам Кремля и была одной аристократических — наряду с Тверской. А в начале XIX века это была улица университета и дворцов.

Ширина улицы должна была равняться высоте домов, и в этом случае улица была хорошо освещена и пропорции ее были приятными.

№19

Вероятно, хранит в себе остаток дома еще XVIII века — скругленный угол: на этом месте было каменное трехэтажное здание с ротондой. В 1812 году дом сгорел, восстановлен только в 1840-х годах. В 1885 году — почти полностью снесен, построен театр — в том чудовищном стиле, который считался тогда русским.

№15

Стоит на самом маленьком на улице участке земли, принадлежавшем церкви Малого Вознесения. Двухэтажное здание обозначено на планах 1780 года. В 1912 году постройки разобрали и для протоиерея Вознесенской церкви по проекту гражданского инженера Дзевульского построили стоящее доныне одноэтажное с подвалом здание «торговое частью с жильем»... Магазины были построены в модном тогда стиле «неоампир» с сильным привкусом модерна. До 1917 года в лавке продавали цветы.

№12а

Флигель ампирного дома Луниных. Музей искусства народов Востока.

Дома на Никитском бульваре

>

№18/2

Церковь Малое Вознесение. Деревянный храм на этом месте стоял еще со времен татарского ига. Название получилось из-за того, что на Никитской позднее возник еще один храм Вознесения, получивший более внушительное здание (он и стал Большим). Нынешний каменный храм построен в 1634 году, это редкий пример стиля времени первого царя из династии Романовых, Михаила Федоровича: годуновские черты конца XVI века в нем уживаются с тягой к украшательству. Верх храма надстроен восьмериком с прихотливыми наличниками, это уже барокко первой половины XVIII века.

№24/1, стр. 1

Большой дом княгини А.П. Голицыной, посредственной архитектуры, но совершенно не похожий на современные ему четырехэтажные дома: с большой витриной, двумя входами с улицы и равноценными прочими этажами. Типичный образец упадка стиля ампира.

№24/1, стр. 6

Наивная попытка развеселить доходный дом. Много черт стиля модерн.

№20

Лавка, в которой до 1917 года продавали цветы. Приятно декорированный объем в неоренессансном стиле.

№17, стр. 1

В 1886 году был надстроен этаж и переделан фасад. Фасад сохранился, он среднего безобразия — в 1880-е годы в русской архитектуре царил глубокое безвременье. В 1991–1995 годах дом реконструирован архитектором Павлом Андреевым.

№12

Неоклассическая постройка начала XX века. Одна из последних построек перед Первой Мировой войной.

№22

Мрачный пятиэтажный доходный дом, видны попытки приукрасить его лепными вставками с цветами. Левая его часть включила дом по меньшей мере XVIII века — большой трехэтажной усадьбы Е.Н. Нарышкиной.

№26

Мудрено узнать в этом доме дворец конца XVIII века — но это именно так. Облик его не скромнен, даже бледен, хотя принадлежал он гофмаршалу Г.Н. Орлову. В 1850-е годы перестроен и полностью отделан по новой дробной манере. В советское время надстроен на два этажа.

Болотная площадь — 61500 м²

Болотная площадь 1940-е годы

>

текст **Александра Фролова**

Болотная площадь сейчас — очень модное название. Но если мы посмотрим на это место, то увидим, что нет здесь никакой площади, а есть большой городской сквер и проезд вдоль сквера и еще есть Болотная набережная. С востока сквер ограничен Фалеевским переулком, с запада — улицей Серафимовича, которая так широка, что сама могла бы сойти за площадь.

410 × 150 м

Таковы примерно со второй половины XVIII века общие размеры Болотной площади — вместе со сквером, проездом вдоль его северной границы, с Болотной набережной и с частью Фалеевского переулка

Луг

В конце XV века в Замоскворечье случился большой пожар, огонь перекинулся в Кремль и наделал там много бед. Чтоб избежать подобного в будущем, государь Иван III в 1495 году приказал сгоревшие дома не восстанавливать, а разбить напротив Кремля сад. Он занимал пространство от Москвы-реки до старицы, места, по которому в XVIII веке пройдет Водоотводный канал. На западе сад начинался напротив Водовзводной башни Кремля, а на востоке заканчивался близ Москворецкого живого моста. Росли в саду яблони, вишни, груши, сливы, смородина черная и красная, малина, различные овощи и даже дыни для государева стола. Поблизости, в Верхних, Средних и Нижних Садовниках, были поселены слобожане-аграрии.

История сада закончилась так же, как и началась, — пожаром 1701 года, когда огнем перекинулся из Кремля в Замоскворечье. Петр I не захотел возобновлять ненужный ему сад в нелюбимой Москве, и эта территория стала застраиваться.

Большую роль в облике Болота играл Старый Каменный, или Всехсвятский мост, построенный в 1687 году. С замоскворецкой стороны он начинался высокой Шестивратной башней с двумя шатрами. Ворота башни стали первой в Москве триумфальной аркой: через неё прошли войска, возвращаясь с победой из-под Азова в 1696 году.

© Музей архитектуры им. А.В. Щусева

370 × 100 м

Размеры сквера на Болотной площади

Торговая площадь

В 1783 году во время весеннего паводка рухнули три пролёта моста через Москву-реку. Было разрушено несколько стоявших на мосту лавок, погибли люди. Для ремонта моста решено было отвести воду из основного русла Москвы-реки, а для этого построить давно планировавшийся Водоотводный канал. При прокладке первой очереди канала Болотная площадь была подсыпана вынутым из русла грунтом. Разобрали Шестивратную башню. Ремонт Всехсвятского моста завершился только в 1792 году.

После прокладки Водоотводного канала стало возможно подвозить товар по воде и разгружаться прямо на площади. В XIX веке Болотная была одним из главных мест торговли хлебом. Большой поток зерна начинался с установления санного пути. Хлеб везли из южнорусских губерний, Воронежа, Орла, Курска. Оптом хлеб покупали как купцы для перепродажи, так и состоятельные господа про запас. На площади стоял большой мучной ряд, были построены мучные лабазы. Остатки лабазов, их фасадные стены стоят еще в Фалеевском переулке, ожидая разрушения от времени. В морозы особенно много привозилось на Болото различного мяса. Еще на Болоте покупали кожи, обувь, металлические изделия, овощи и фрукты.

350 × 30 м

Размеры Болотной набережной

Торговые ряды

Официально название Болотная площадь появилось в 1845 году. В 1842 году на Болоте построили по проекту М. Д. Быковского каменные мучные лавки, образовавшие эту площадь. Два их одноэтажных корпуса, параллельных каналу, с запада и востока завершались широкими полукружиями. В 1872 году в дополнение к лабазам поставили павильоны из гофрированного металла, оставшиеся после Политехнической выставки. В них торговали фруктами.

В 1870-е годы сахарозаводчик И. Г. Харитonenko купил большой участок земли между Софийской набережной Москвы-реки и Лабазной улицей. На болото выходили служебные корпуса усадьбы. В 1931 году дом Харитonenko отдал Британскому посольству. До переезда в новое здание в 2000 году на Болото выходили двери консульского отдела посольства, тут стояли очереди за визами.

С запада от Болота, вдоль улицы Серафимовича, был расположен Винно-соляной двор с классической башней над воротами. Она была разрушена при строительстве Дома правительства. На части территории двора в начале XX века построили электростанцию по проекту В. Н. Башкирова. Сейчас она отгорожена от Болотной площади кинотеатром «Ударник».

3 чел/м²

Церковный норматив вместимости храмов

Сосед — «Дом на набережной»

Москва 1920-х годов была перенаселена, руководители страны остро нуждались в достойном жилье. Решено было возвести для них на месте Винно-соляного двора большой дом. Он строился в 1928–1932 годах по проекту Б. М. Иофана. В доме было около пятисот квартир, клуб (позже Театр эстрады), кинотеатр, магазины, почта, сберкасса, поликлиника и пр. Рядом с такой махиной невысокие лабазы Быковского казались еще меньше. Многие из жильцов быстро покинули новый дом: кто в лагерь, кто в ссылку, кто и на тот свет. Теперь на стенах дома около 30 мемориальных досок.

Новый Каменный мост построили в 1938 году — но не там, где Старый. Он стал шире и длиннее, эстакада моста теперь начиналась прямо от Болотной площади. Трассу эстакады пересекал построенный в конце 1920-х годов пятиэтажный дом. Ломать его было жалко, приняли решение дом передвинуть. Под здание подвели балки и домкратами медленно перевезли на новое место. Жильцов не отселяли, в доме горел свет, работала канализация и водопровод.

В 1940 году на площади вместо лабазов заложили сквер. В 1947 году, к 800-летию Москвы, по проекту В. И. Долганова был оформлен его парадный, западный фасад.

1700 яблонь

Поместилось бы на площади в размерах второй половины XVIII века, если засадить ее, исходя из современных расчетов садоводов: 6 м между каждыми двумя яблонями

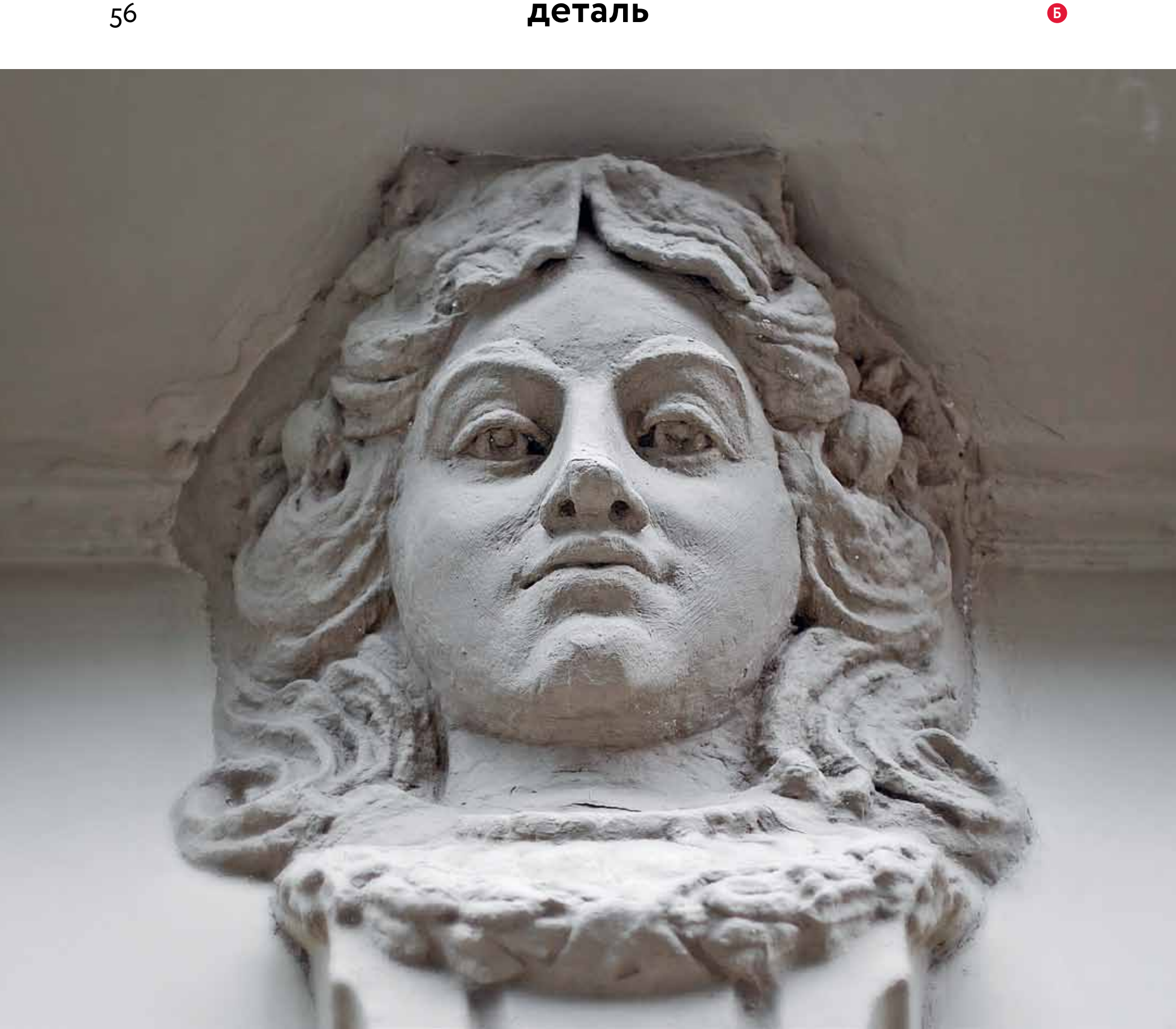
260 м × 30 м × 65 м

Болотная улица, примыкающая к набережной, имеет форму трапеции

Площадь Репина

В 1957 году близ Болотной набережной, по оси подходящего к другому берегу канала Лаврушинского переулка, архитектор И. Е. Рожин и скульптор М. Г. Манизер поставили памятник И. Е. Репину. Так было найдено новое название площади. С 1962 по 1993 годы она была площадью Репина. Правда, памятник оказался отрезанным от Третьяковской галереи. При Ю. М. Лужкове инженер А. О. Хомский, архитекторы Т. В. Астафьев и Г. И. Копанс построили пешеходный Лаврушинский мост. Но все называют мост Лужковым. Придумали даже в видах политкорректности обоснование: был тут Царицын луг, поэтому и мост Лужков. К сожалению, добрые граждане выломали низкие светильники, стоявшие на перилах, повывергли копыя из рук бронзовых Георгиев на решетках. Медальоны с гербами Москвы пришлось снять, а светильники вместе с перилами убрать с оси моста.

Еще один памятник был открыт в восточной части Болотной площади в 2001 году. Это работа М. М. Шемякина «Дети — жертвы пороков взрослых». Памятник круглосуточно охраняется, что можно считать уникальным явлением. 🇷🇺

Голова кариатиды на фасаде доходного дома по Большой Никитской улице, 24. Начало XX века	журнал «Московское наследие» №18	Научный консультант Владимир Седов, доктор искусствоведения	Адрес редакции 115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 19 +7 (495) 637 40 43, +7 (495) 637 42 17
Скульптурные изображения девичьих головок с распущенными волосами были чрезвычайно характерны для убора фасадов интернационального модерна. Внимательный взгляд выхватит различия в настроениях девушек.	Руководитель проекта Александр Кибовский	Главный редактор Яна Миронцева	Блог mosnasledie.tumblr.com
	Консультант проекта Николай Ефимов	Выпускающий редактор Рената Серебрякова	Учредитель Правительство Москвы
	Координатор проекта Николай Переслегин	Фоторедактор Иван Ерофеев	Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ № ФС77-26667 от 18 декабря 2006 г
	Благодарность Юлия Хасия Елена Кашина Лариса Герасимова	Корректор Наталья Дзергач	Издатель Николай Черепанов, ООО «Юник Медиа Ателье»
		Дизайнеры Наталья Жукова Иван Васин Иван Величко	Печать ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
			Тираж 10 000 экз.
			© Департамент культурного наследия города Москвы, 2012
			Перепечатка материалов журнала невозможна без письменного разрешения редакции

Иван Ерофеев

официальный взгляд

объект должен быть подлинным и уникальным

Беспокойство граждан о сохранении московской городской среды может быть направлено в практическое русло. Что и как делать, рассказывает заместитель руководителя Мосгорнаследия **Алексей Емельянов**. Интервью взяла **Рената Серебрякова**

Чтобы поставить дом под охрану, нужно:

- 1) Захотеть этого. Например, решить, что дом, в котором живешь, заслуживает более бережного обращения. Или, проходя мимо, заинтересоваться чужим домом, понять, что про дом ничего не известно и что, возможно, он не охраняется государством — а стоило бы.
- 2) Убедиться, что с момента постройки здания уже прошло 40 лет.
- 3) Посмотреть в государственном реестре, не стоит ли уже это здание под охраной (old.dkn.mos.ru/registry). Можно не смотреть, а просто обратиться с этим вопросом в департамент культурного наследия.

— **Без историко-культурной экспертизы поставить памятник под охрану нельзя. Что должно быть в заключении экспертизы?** Акт экспертизы должен включать в себя около 15 параметров. Нужно определить, как, когда, кем строилось здание, как перестраивалось, как используется, какое место занимает объект в структуре градостроительного окружения, в каком состоянии интерьеры и т. д. В разработанных нами приказах четко сказано о живописи, о столярном деле, о напольных покрытиях, о скульптурах, о лестницах, об ограждениях. А мы должны оценить эти характеристики и принять решение. Может, у этого здания просто ценный фасад, а интерьеры и все остальное уже утрачено. Но мы стараемся даже такими зданиями не разбрасываться. Мы их относим к исторически ценным градформирующим объектам. То есть к ценной застройке. Это статус, если можно так сказать, попроще. Сохраняется объем здания, фасад, сохраняется конфигурация крыши, а внутри возможна реконструкция.

— **Как поменялась система постановки памятников под охрану?** Раньше была форма заявления на сайте: «Я обнаружил здание по адресу такому-то, считаю, что оно ценное». Без всяких документов. Не было аттестованных экспертов, не было перечня документов, по которым мы объект относили к памятникам. То есть мы кивали — да, объект ценный, но объект не получал территории, не получал предмета охраны.

Теперь процесс мы сделали более профессиональным. Ведь если мы здание относим к памятникам, то мы запрещаем его реконструкцию, любое строительство на его территории. Позволяем либо реставрировать, либо приспособлять к современному использованию. Устанавливаем жесткие ограничения на всю дальнейшую судьбу здания.

— **Сколько стоит экспертиза?** Должен выйти сборник цен на проведение историко-культурной экспертизы, чтобы этот рынок был под государственным контролем. Но, как правило, если здание уникальное, обладает ценностью, вопрос недорогой, цена символическая. По тем заявкам, что направлены нам до 2010 года, 864 объекта, мы делаем экспертизу за деньги города.

— **Возникают ли у заявителей сложности с получением документов?** Нет, это все выдумки. Собственники имеют право иметь информацию о своем доме, и каждый, кто помешает, нарушит федеральный закон.

— **Мосгорнаследие помогает в сборе документов?** У нас есть свой архив, в нем хранятся историко-культурные исследования по всей застройке внутри Садового кольца и в пределах Камер-Коллежского Вала. Мы

Голова кариатиды на фасаде доходного дома по Большой Никитской улице, 24. Начало XX века

Скульптурные изображения девичьих головок с распущенными власами были чрезвычайно характерны для убора фасадов интернационального модерна. Внимательный взгляд выхватит различия в настроениях девушек.

официальный взгляд

- 4) Найти на сайте департамента культурного наследия и прочесть закон №73-ФЗ (в разделе «Документы», вкладка «Нормативные правовые акты») и приказы №№185, 192 (в разделе «Деятельность», вкладка «Учет»). Найти на сайте *government.consultant.ru* и прочесть постановления правительства России: №569 от 15 июля 2009 года и №671 от 3 августа 2010 года. Убедиться, что поставить здание под охрану можно только после проведения историко-культурной экспертизы.
- 5) Обратиться к государственным экспертам, аттестованным Министерством культуры (иные не могут проводить экспертизу). Список экспертов размещен на сайте министерства: нужно зайти в раздел «Деятельность», потом в «Деятельность департаментов», выбрать «Департамент государственного контроля и надзора в сфере культурного наследия», а потом «Сведения об экспертах по проведению государственной историко-культурной экспертизы» (четвертая строка снизу).

продолжаем вести исследования и закрываем белые пятна. У нас есть уникальные фотоматериалы, развертки улиц 1930-х годов — до того как центральные улицы Москвы были расширены. Например, Садовое кольцо — внутренняя сторона, внешняя сторона. Мы сами предлагаем прийти посмотреть, что у нас есть.

— **Какие дома в последнее время встали под охрану по инициативе общественности?** Дом Быкова на 2-й Брестской. Люди обратились к аттестованному эксперту Андрею Баталову, он написал акт, и мы отнесли дом к выявленным объектам. Экспертизу мы сделали, кстати, на деньги из бюджета города Москвы. Та же самая была история с Круговым депо, с домом №23 по Никольской, это знаменитый «расстрельный дом».

— **Заинтересованы ли вы в увеличении числа памятников?** Мы заинтересованы в принятии объективных решений. Не хотим ни искусственно уменьшать, ни увеличивать число памятников. Все, что мы выносили в последнее время, все единогласно принималось. Я в последнее время не встречал экспертов, которые высасывали бы из пальца свои положительные выводы.

— **Можно ли назвать набор качеств, доказывающих, что здание — памятник?** Качеств два: объект должен быть подлинным и уникальным. Вот почему он памятник и подлежит сохранению — потому что уникальный объект и свидетель той эпохи, когда он был создан. А подлинный — значит минимум переделок, памятник, дошедший до нас в том первозданном виде, в каком был создан автором. Если объект ценен с точки зрения истории, то с момента, когда в нем проходили исторические события, он должен остаться либо в первозданном виде, либо с наименьшими утратами. Мы сохраняем здание или потому, что у него уникальная архитектура, или из-за того, что в нем происходили исторические события, или уникальная личность в нем жила, или там уникальные планировка, фасад, он единственный в Москве, в районе.

Допустим, Круговое депо, таких пять по стране, но в Москве оно — единственное. И мы относим его к объекту культурного наследия регионального значения. Доходные дома для Москвы характерны, но каждый обладает уникальным архитектурным убранством — лестницы, ручки, витражи, рамы, росписи. Вот на Дмитровке, дом 9, там не только фасад, там росписи в квартирах, двери подлинные.

— **А если здание было создано в XVIII веке, а перестраивалось в XIX?** Таких случаев именно в Москве очень много. В подвале палаты XVII века, на первом этаже убранство XIX века, а где-нибудь еще происходили события Первой мировой или Гражданской войны. Здания часто перестраивались и реконструировались. Но эти изменения должны быть либо легко устранимы, то есть чтобы можно было отреставрировать и вернуть к первоначальному виду. Либо эти изменения должны обладать какой-то ценностью и тоже нести в себе свидетельства эпохи. В первом случае, когда переделки не ценны и легко устранимы, они просто в ходе

Дом, в котором жил Шадр

Ко мне только что обратился один московский житель. Он захотел спасти дом — улица Полянка, 60. Человек этот видел дом без лесов, и он ему очень понравился. Этот дом в начале XX века построил архитектор О. Г. Пиотрович, создавший много жилых зданий в Москве. В то же время архитектурный облик дома был типичен для неоклассицизма 1910-х годов. Заявитель рассказал мне, что, по его сведениям, в этом доме жил скульптор Шадр. Тех данных, которые были в департаменте, мне не хватало для объективной оценки. И тогда я отправился в архив, познакомился со всеми материалами. И, кроме того, осмотрел дом и увидел, что за это время интерьеры изуродовали, перекрытия частично разобрали и кроме лестницы спастись внутри нечего. А дом в то же время занимает очень ответственное положение в городе. Он формирует угол — пересечение улицы Большой Полянки с Садовым кольцом. И в то же время у него есть мемориальная составляющая. Я посмотрел квартирные книги в Центральном историческом архиве Москвы и установил, что в этом здании действительно проживал Иван Шадр. Поэтому объект был отнесен мною к ценным градоформирующим объектам.

Андрей Баталов, государственный аттестованный эксперт, заместитель директора музеев Московского Кремля

официальный взгляд

- 6) Выбрать эксперта, связаться с ним, рассказать о любви к дому.
- 7) Если по предварительной оценке эксперта дом заслуживает охраны, договориться с ним об условиях экспертизы и цене.
- 8) Эксперт проводит исследование по всем пунктам приказа №192 и дает заключение (акт).
- 9) Акт подается в департамент культурного наследия, где его в течение месяца изучают и принимают решение.
- 10) Если ответ отрицательный, то можно попытаться доработать экспертизу и подать заявку еще раз.
- 11) Если ответ положительный, то в течение года департамент готовит документы, чтобы внести памятник в государственный реестр. Устанавливаются предмет, режим и зоны охраны.
- 12) Здание вносится в государственный реестр объектов культурного наследия.
- 13) Гордиться собой.

реставрации устраняются. А во втором следы реконструкции сохраняются и перечисляются в предмете охраны.

— **Признаки реконструкции — серьезное препятствие для постановки под охрану?** Нет, в Москве этого много, все зависит опять же от ценности. Допустим, улица Поварская в начале XVIII века — маленькие двухэтажные домики, усадьбы, сады. В начале XX века все полностью переделано, стоят доходные дома либо новые особняки. Все особняки, построенные в начале XX века, уже памятники. Но сохранившиеся элементы усадеб XVIII века, тоже, конечно, охраняются государством. Это и сложность, и профессиональный интерес — подлинные, уникальные вещи брать под охрану, а к переделкам относиться критически.

— **Массовая застройка начала XX века считается памятником или еще нет?** Архитектура начала XX века вызывает у нас особый интерес и тревогу. Мы пока не можем оценить ее историко-культурную значимость. Для жителей города эти здания часто — ветхое аварийное жилье. Хотя лет двадцать назад доходные дома тоже считались — так, начало века, не пойми что. Вот жилой поселок Дангауэровка, на шоссе Энтузиастов, 1920—1930 годов постройки, пяти-шестиэтажные дома. К нам обратились архитекторы, чтобы поставить поселок под охрану. Мы уведомили жителей, префектуру — а жители категорически против: некоторые за реконструкцию, некоторые за снос. Потому что для них это жилье с маленькими кухнями, с совмещенными сануздами. Материалы недолговечные, это же постройки первых лет после Гражданской войны. А люди хотят жить на том же месте, но в комфортабельных условиях.

Еще мы ставили под государственную охрану комплекс первых послевоенных домов на улицах Маршала Соколовского, Бирюзова. Жители разделились на две части: за и против. Префектура была против, но мэр нас поддержал — и комплекс стал памятником. Теперь префектура гордится, показывает гостям.

Уникальные здания 1920—1930 годов мы ставим под охрану. А жилые комплексы того же времени склоны относить к категории достопримечательных мест: это такой вид памятника, фрагмент городской планировки. Либо просто к ценным объектам градостроительной среды — чтобы сохранить планировочную структуру, внешний вид этих ансамблей, сохранить их габариты, чтобы не надстраивали, не перестраивали.

— **А как обстоит дело с постройками 1950-х годов?** Пока есть одна заявка на самый первый квартал хрущевских пятиэтажек в Черемушках. Часть жителей хочет поставить под охрану, другая — категорически против.

— **Случалось ли, что люди выступали с инициативой поставить под охрану не замеченные до этого жемчужины?** Ну конечно! Например, Потаповский переулочек, дом 6. В Мосгорнаследии были документы, указывающие на то, что здание не обладает ценностью, обычное. А там, оказывается, внутри палаты Гурьевых и необыкновенные интерьеры.

— **Какую играют роль общественные организации — ВООПИиК, «Архнадзор»?** Они помогают нам, поднимают важные вопросы. Но в принципе они на таких же условиях, как все остальные. ☹

Дом родоначальника московского модерна

Дом Быкова был выявленным объектом, а его пытались вывести за пределы охраны под конкретного инвестора. Его, как известно, подожгли. Ко мне обратились москвичи, заинтересованные в сохранении архитектурного наследия города. Я понял, что дом, несмотря на пожар, в общем-то сохранился. И можно провести реставрацию в интерьере, которая все вернет на свои места. Кроме того дом принадлежит руке Л. Н. Кекушева, и если бы от него остались только стены, этого было бы достаточно для отнесения его к объектам культурного наследия. Лев Кекушев — родоначальник московского модерна, он изменил ход развития русской архитектуры. Уже поэтому этот объект уникальный. В Мосгорнаследии мою экспертизу «поверили алгеброй», по утвержденной методике оказалось, что дом набрал очень высокую сумму очков. Я изложил свои выводы на рабочей группе, потом состоялось заседание комиссии, которая согласилась с предложенным статусом объекта. Теперь я жду с нетерпением постановления Правительства Москвы.

Андрей Баталов, государственный аттестованный эксперт, заместитель директора музеев Московского Кремля

Голова кариатиды на фасаде доходного дома по Большой Никитской улице, 24. Начало XX века

Скульптурные изображения девичьих головок с распущенными волосами были чрезвычайно характерны для убора фасадов интернационального модерна. Внимательный взгляд выхватит различия в настроениях девушек.

подкрашенная действительность

текст **Анны Зайцевой**, фотографии предоставлены **Анной Зайцевой**

Аримацу — район на юго-востоке города Нагоя — ведет свою историю с начала XVII века. Эта местность к северу от знаменитого холма Окэхадзама называлась «страной Овари», формально правил ею один из сыновей сёгуна Токугавы Иэясу — Токугава Тадаёси, но он был еще очень молод, поэтому фактическим правителем Овари был сам сёгун.

Через провинцию проходила самая важная для Японии эпохи Эдо дорога Токайдо, или Восточный морской путь. Для ее защиты Токугава Иэясу восстановил полуразрушенную крепость Нагоя — сейчас это один из самых знаменитых памятников города. А в 1608 году, чтобы обезопасить Овари от разбойников и воинствующих феодалов, на дороге Токайдо построили небольшой поселок Аримацу.

Чем жить защитникам Овари

В незатейливые, по-быстрому сложенные дома из бамбука с соломенными крышами заселили людей из разных уголков Овари. Местность была дикая, гористая — непригодная для земледелия. После множества безуспешных попыток растить рис жители Аримацу попробовали зарабатывать на гостиницах и кафе для путников, проходящих по Токайдо. Но на беду по соседству располагался крупный торговый поселок Наруми, знаменитый своим гостеприимством, поэтому жители Аримацу еле-еле сводили концы с концами.

Обойтись без стратегически важного Аримацу правители страны Овари не хотели — и пытались найти для его жителей занятие, которое позволило бы им благоденствовать.

Помог случай. В то время на строительство крепости Нагоя были призваны самураи с острова Кюсю. Мудрец по имени Такеда Сёкуро обратил внимание на интересный объемный рисунок их кимоно. Рецепт окраски удалось вызнать — надо было завязывать в узелки или скручивать ткань перед тем, как погружать ее в краску (чаще всего индиго, но также марена и свекла). И правитель Овари велел жителям Аримацу заняться украшением тканей в стиле самураев Кюсю.

Узоры на полотенцах и кимоно жителей Аримацу стали модными, и в короткое время поселок стал очень богатым. В соседних селах захотели присоединиться, но жители Аримацу взмолились — это был их единственный способ заработать, — и правители Овари запретили остальным красить ткани. Аримацу иногда сотрудничал с другими поселками: в округе был хорошо развит гостиничный бизнес, и красильщики ходили продавать свой товар.

Способствовал много к украшению

В 1784 году случился катастрофический пожар — Аримацу сгорел полностью. Правитель Овари бросил все силы на восстановление села красильщиков, дома решили делать противопожарными и прочными. Цемент в Японию завезли только в эпоху Мэйдзи, поэтому жители для изготовления монолитных стен смешивали разные виды грунта, золу и глину, а затем покрывали их известью.

«Дорога Токайдо 53. Магазины сибори». Художник: Хиросигэ Андо, 1832 год

Дом Такеда. Эпоха Сёва, 58-й год. 1983 год

Послевоенные годы. Семья Нарита-сама. Все женщины в семье занимаются сибори

Дома сделали двухэтажные, с двойными, нависающими крышами, покрытыми черепицей. Такой стиль назывался удацу. В богатых домах по бокам строились отдельные покрытые черепицей «рукава» — содэ-удацу — для остановки огня. На черепичных крышах ставили фигурки богов, охраняющих дом от пожаров. Дома «опоясывали» специальной сеткой, сделанной также из глиняной смеси. Такой стиль назывался «намако-кабэ»: «стена — морской огурец».

На втором этаже окна забрали решеткой — металлической или деревянной. Такие окна называются «мусикомато», что в переводе означает «окно-гусеница». Продолговатой формой и узором они напоминали гусениц.

В новых домах сделали широкие входы — чтобы было удобнее торговать — и нечто вроде веранды, которая называлась «логово угря», по последней моде, заимствованной в Киото.

Аримацу снова стал процветающим местом и продолжал благоденствовать, пока не настал период Мэйдзи. Феодалная структура была разрушена, в исключительном праве жителей Аримацу на окраску кимоно больше никто не нуждался. Хваткие соседи из Наруми тут же бросились осваивать новый бизнес — и очень преуспели. Жители Аримацу возвратились было в горькую нищету.

Заграница помогает и мешает

Как вдруг в Аримацу эмигрировал врач с севера Японии с женой-корейкой. Она принялась придумывать новые способы сжимания и связывания полотен так, чтобы при окрашивании узоры принимали формы цветов.

Жители Аримацу разработали более ста видов окраски, а с помощью складок и узелковой техники на ткани можно было создать любой рисунок. В поселке снова жизнь забила ключом, и уже никто не мог их превзойти.

Не помешала красочному делу даже Вторая мировая война. Аримацу чудом не попал в зону бомбардировок. Практически вся Нагоя была сожжена. Старожил и знаток Аримацу, Нарита-сан вспоминает: «Бомбардировка была, на нас сбросили четыре бомбы. Одна упала на станцию и полностью ее разрушила, три по бокам. Наш поселок маленький, в него трудно попасть. Я тогда был еще маленький, учился в пятом классе, до сих пор помню... Дым рассеивается, голову поднимаю, а над нами Б-52 летит, а потом этот металлический свист... Мы сразу домой бежим, падаем на колени, уши большими пальцами закрываем, глаза ладонями и широко рот открываем. Нас так учили. Три моих старших брата погибли. Они в другом доме жили, на окраине. Их задело. От этих зарядов воронки диаметром по десять метров оставались. Но основные улицы сохранились».

В эпоху Сёва Япония начинает американизироваться, кимоно больше не в моде, очень популярна дешевая одежда из Китая, но жители Аримацу не сдаются. В отличие от застраивающихся соседей из Наруми, они решили оставить дома в первозданном виде, чтобы привлечь туристов. В 1964 году Аримацу становится частью города Нагоя, и большинство зданий принимают статус архитектурных памятников.

В 1975 году красильщики из Аримацу выходят на международный уровень и становятся первыми в мире по своему традиционному ремеслу. За это звание начинают бороться и Наруми: в эпоху Мэйдзи именно они были первые по продажам! Права они так и не сумели поделить между собой, поэтому дело стало называться «Аримацу — Наруми сибори». Но, конечно, культурным центром, куда стекаются туристы со всех стран, чтобы посмотреть на эти рукотворные чудеса, становится сохранивший свой старинный архитектурный облик Аримацу, а не застроенный однотипными многоэтажками Наруми.

В конце 1990-х рельефные шарфы, сумки и одежда, окрашенные в стиле «сибори», стали продаваться через интернет во все уголки мира.

Поддержать старину

Аримацу выжил и практически не изменился за последние 250 лет. До сих пор в этих простых, но прочных древних домах живут потомки основателей поселения. Каждый заботится о своем доме, бережно относясь, иногда осторожно меняя прогнившие или изъеденные термитами бревна, реставрируя свои дома по частям.

Голова кариатиды на фасаде доходного дома по Большой Никитской улице, 24. Начало XX века

Скульптурные изображения девичьих головок с распущенными волосами были чрезвычайно характерны для убора фасадов интернационального модерна. Внимательный взгляд выхватит различия в настроениях девушек.

архитектура и традиции

Одноклассница Нариты-сана, Танахаси Кёуко реставрирует дом, доставшийся от отца, бывшего городского врача. «Это такой кошмар!— жалуется она,— с эпохи Мэйдзи его никто не трогал, я татами подняла, а там уже все сгнило. Материалы ведь другие использовались. Вот, пригласила на помощь архитекторов, которые у нас храмы реставрируют. Дерево, конечно, подгнивает, вот они мне доски и заменяют. Зато глиняные стены крепкие, как были, так и стоят».

Рядом с домом Танахаси Кёуко — музей «Сибори», на первом этаже продается одежда, стилизованная под современность, на втором — музей, можно посидеть и посмотреть, как жители Аримацу старательно плетут узелки на ткани перед окрашиванием.

Дальше — высокое необычное здание, старинное, но старательно выбеленное. На главной улице таких зданий три. Они имеют очень важное значение для жителей Аримацу. Три раза в год на главной улице проводятся фестивали, люди надевают кимоно и выходят на улицу. А в этих зданиях хранятся переносные святилища-носилки, которые участвуют в парадах во время фестивалей.

Нарита-сан рассказывает, что пару месяцев назад власти хотели снести дом престарелых, чтобы вместо него новый построить, но жители района, а также пенсионеры, живущие там, подняли шум. И дом не тронули, только усовершенствовали. Поэтому и рестораны, и магазины, и главпочтамт — всё в первоначальном виде. Внутри некоторых зданий современная обстановка, в некоторых — хранят традиции. Чтобы дерево не подгнивало, его обрабатывают специальными растворами, а поверхность раздвижных дверей для облегчения движения до сих пор натирается воском или обычным парафином. Иногда встречаются новые здания, но они не режут глаз, так как жители стараются построить свое жилище в духе «того времени». Но материалы, конечно, используются уже современные.

Только проезжающие по узкой улице машины напоминают, что сейчас XXI век. В эпоху Мэйдзи по всей Токайдо провели телеграф. Провода с тех пор, конечно, сменились, но столбы со старыми фонариками и почтовые ящики остались с эпохи Мэйдзи. Кафе «Предел безрассудности» работает уже несколько поколений, как и остальной местный бизнес.

Все краски современности

Потомок мудреца Такеды Сёукуро, который в эпоху Эдо не дал поселку сгнуться в нищете, продолжает жить в доме знаменитого предка. В японской моде президент сети красильных мануфактур Такеда Кахей — знаменитость, часто выступает на телевидении. Такеда Кахей улыбаясь и гостеприимен, он любезно разрешает посмотреть свой дом с выходом в сад. Здесь есть комнаты, сохранившие первоначальный вид, с низкими

Битва при Окэхадзама произошла 12 июня 1560 года между войском Имагавы Ёсимото и небольшим отрядом Оды Нобунаги

Некий Имагава Ёсимото владел огромной территорией, расположенной по дороге Токайдо за Овари. А в Овари правил Ода Нобунага. Имагава Ёсимото хотел захватить Киото. Он выступил в поход в июне 1560 года, собрав 25 тысяч самураев из всех своих провинций. Три провинции отделяли его от Киото, и первой была Овари. К изумлению советников, 17-летний Нобунага, численность войска которого не превышала 2 тысяч самураев, повел войска в бой с беззаботным видом.

Разведчики Нобунаги донесли, что войска Имагавы остановились в ущелье близ деревни Окэхадзама. Нобунага отлично знал местность, а ущелье предоставляло удачную возможность для атаки. Для устрашения противников войны Нобунаги сделали множество чучел из соломы и надели на них шлемы. Пошел сильный ливень, и пока самураи Имагавы прятались от него, Нобунага развернул войска, а как только ливень кончился — атаковал. Имагава понял, что случилось, за секунды до того как клинок Оды Нобунаги снес ему голову. Битва при Окэхадзама продлилась всего несколько минут, но оказалась решающей для объединения Японии.

Ода Нобунага освободил из плена Токугаву Иэясу, и тот стал основателем династии Токугава, правившей Японией с 1603 по 1868 год, — так называемая «эпоха Эдо».

Ода Нобунага, Токугава Иэясу и Тоётоми Хидэёси — самые знаменитые самураи в истории: «Три столпа, объединившие средневековую Японию».

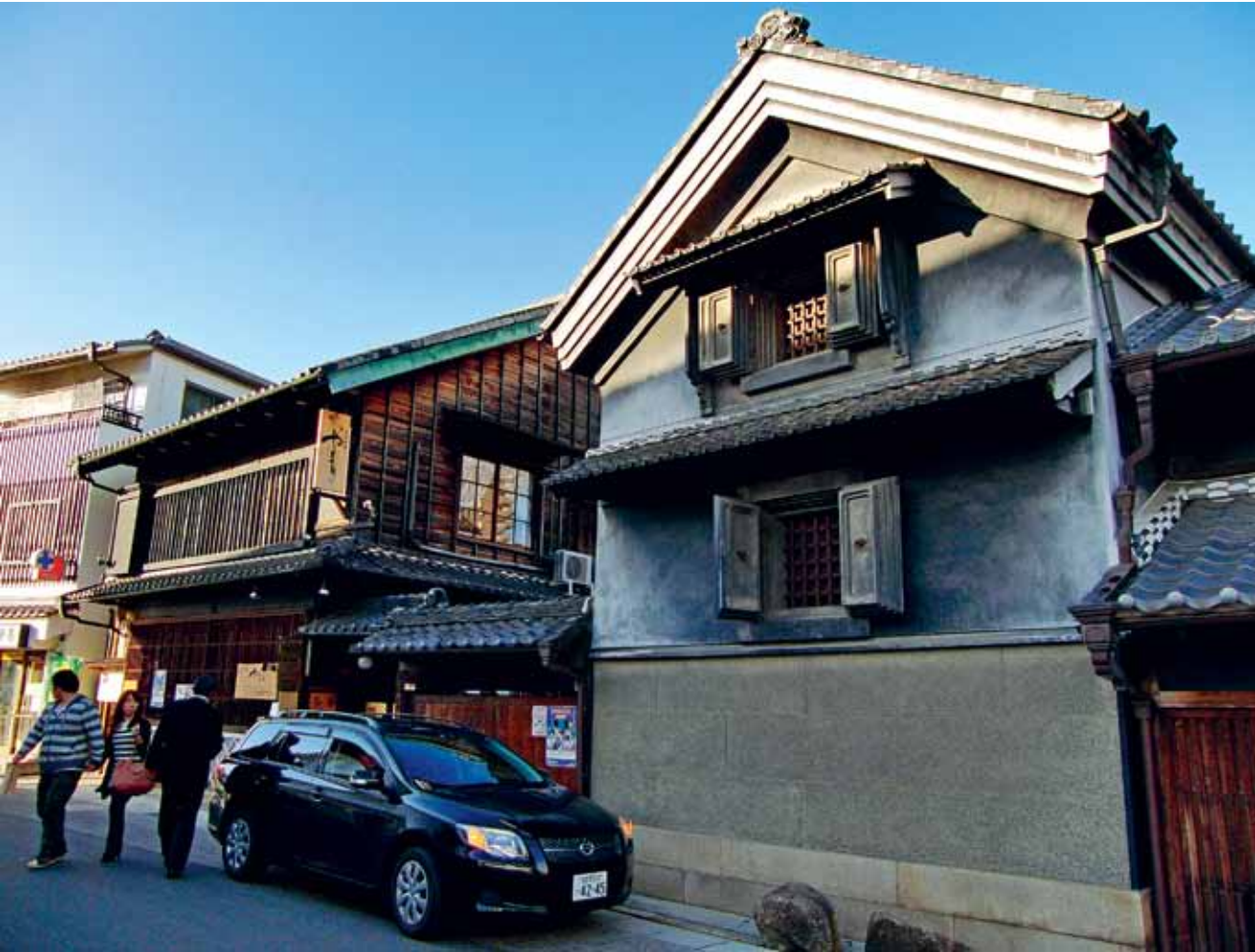
Аримацу в наше время. Летом здесь проводится Фестиваль сибори, жители Аримацу и гости района гуляют по улицам в кимоно. Нарита-сан говорит, что они пытаются уговорить молодежь Аримацу носить кимоно и в обычные дни, но мало кто это делает в нынешнее время

Сибори (от японского — отжать, выжать, смять). Способ окрашивания ткани. Ткань заматывают, прошивают, создают узелки и складки, зажимают между досками, протирают и пр. Из-за этого краска распространяется неравномерно, образуются плавно перетекающие узоры. Операцию можно повторять несколько раз, получается ткань с многокрасочным и рельефным рисунком. Таким методом красят не только батик, но и текстурный войлок, хлопок и даже кожу

Продолжатель традиции сибори Такеда Кахей в своем доме, в комнате дзайна периода Мэйдзи со своим другом и знакомым города Нарита Осаму. (Нарита-сан сидит слева, Такеда-сан стоит справа)

Бывший оптовый склад сибори. С 2003 года здесь ресторан и пекарня. Дом «Хантаро». Аримацу, 2012 год

архитектура и традиции

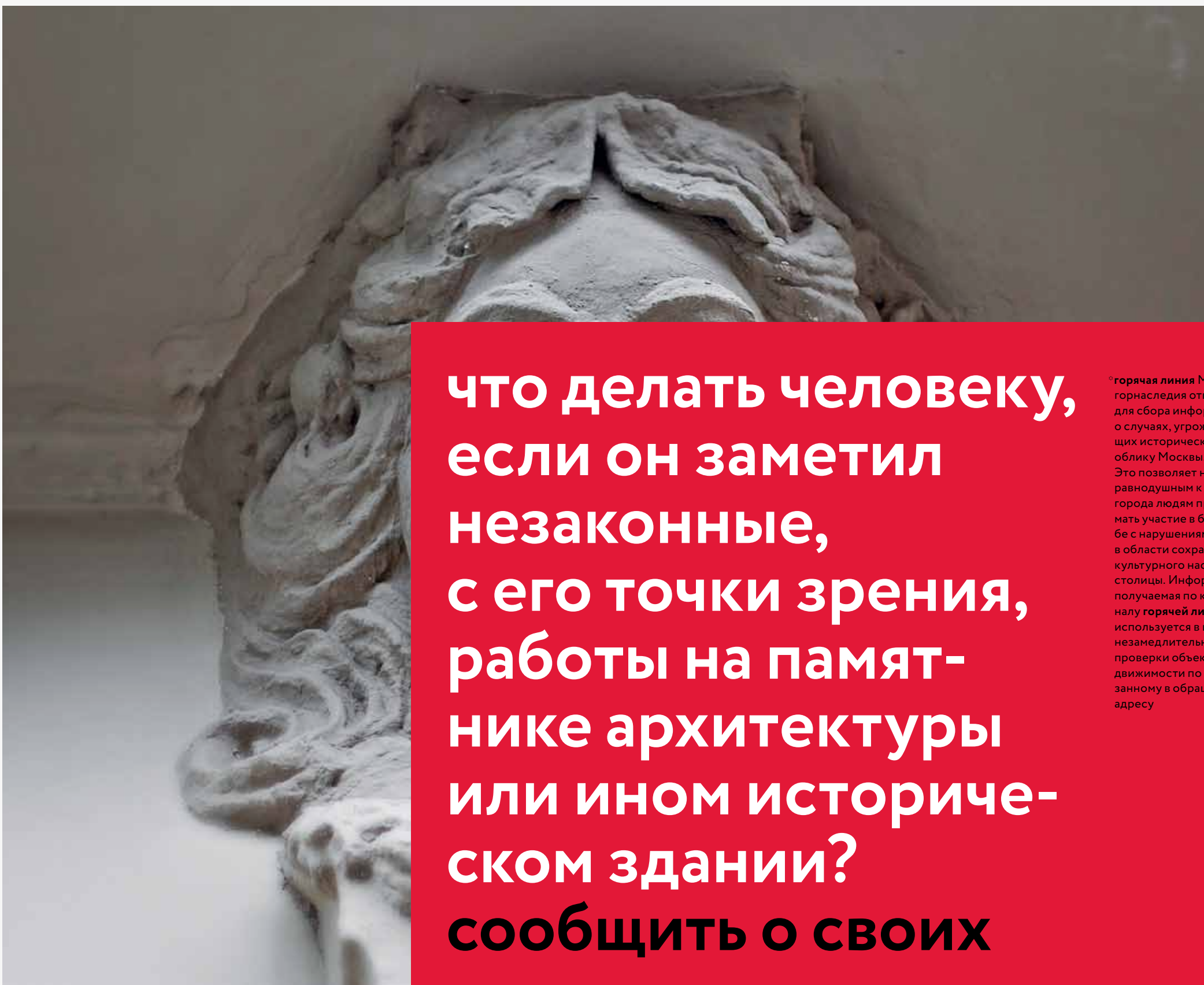
потолками, очагом; есть зал, усталанный татами для проведения семинаров и обучения искусству надевания кимоно. Но есть и зал с модным в эпоху Мэйдзи европейским дизайном, здесь за овальным столом Такеда-сан потчует гостей превосходным кофе.

Такеда-сан и Нарита-сан — давние друзья, но Нарита никогда не покидал Аримацу, а вот Такеда все время путешествует. Например, прошлой осенью они с братом Козо показывали в Италии новую коллекцию кимоно.

Бизнесу Такеда уже 404 года, но капитал компании — всего 49 млн иен. Такеда Кахей входит в национальную ассоциацию директоров компаний, выпускающих традиционную продукцию. Японцы используют старинную технику в современной интерпретации — для стильной городской одежды, постельного белья, светильников, оформления офисов.

В некоторых домах Аримацу работают школы окраски ткани, в них на практику приезжают студенты из Modo-Gakuen (это училища моды, главное из них в Токио, есть также в Нью-Йорке и Париже).

Аримацу все-таки погибает, как ни старается. Все меньше людей, владеющих искусством сибори, и в основном это пожилые люди. Сибори активно пропагандируют, но мода на него, увы, постепенно проходит. Пора Аримацу придумать для себя новый поворот. ☹

Голова кариатиды на фасаде доходного дома по Большой Никитской улице, 24. Начало XX века

Скульптурные изображения девичьих головок с распущенными волосами были чрезвычайно характерны для убора фасадов интернационального модерна. Внимательный взгляд выхватит различия в настроениях девушек.

что делать человеку, если он заметил незаконные, с его точки зрения, работы на памятнике архитектуры или ином историческом здании? сообщить о своих подозрениях по телефону горячей линии ☎: +7 (916) 146 53 27

☎ горячая линия Мосгорнаследия открыта для сбора информации о случаях, угрожающих историческому облику Москвы. Это позволяет неравнодушным к судьбе города людям принимать участие в борьбе с нарушениями в области сохранения культурного наследия столицы. Информация, получаемая по каналу горячей линии, используется в целях незамедлительной проверки объекта недвижимости по указанному в обращении адресу

1

По результатам обращения инспекция Мосгорнаследия в рабочем порядке устанавливает информацию по указанному объекту: статус памятника (является ли он памятником или ценным градоформирующим объектом), насколько санкционировано проведение работ.

2

В случае если есть подозрение, что работы на объекте культурного наследия проводятся незаконно, сотрудники инспекции оперативно выезжают на место для проведения осмотра, установления факта проведения работ и последующего пресечения нарушения.

3

Если по вашему сигналу действительно было установлено правонарушение, информация о действиях департамента культурного наследия города Москвы появится в новостном разделе официального сайта департамента — dkn.mos.ru, а также в новостях ведущих столичных средств массовой информации.